

Элла Чудовская

Совсем
немного
дождя

Элла Чудовская
Совсем немного дождя

«Де'Либри»

2023

Чудовская Э.

Совсем немного дождя / Э. Чудовская — «Де'Либри», 2023

ISBN 978-5-44-911809-7

Острова живут по своим законам. Их населяют счастливые люди. Здесь остаются те, кто сумел пережить исполнение мечты. Стефания об этом не мечтала, не просила, но ей по воле весьма мрачных обстоятельств повезло оказаться в идеальном мирке доброжелательно настроенных людей. Не только ей пришлось тяжело – трудные времена наступили у всех. Перемены отражаются на людях самым непредсказуемым образом. Дочь, племянница, подруга, мать, жена... У Стефании много ролей, но в итоге она одинока и кроме дочери никто не способен поделиться с ней теплом. Сумеет ли она найти свое место в жизни и стать счастливой? Продолжение «Синевы». С нами все те же: Макар, Лариса, Прокопий, все остальные и кое-кто еще. Да, и Лиля в обязательном порядке)) История Марины, переживающей тяжелый разрыв отношений, рассказанная одним из новых персонажей, переместит вас в «интерьеры» Рима и окутает атмосферой семейного тепла.

ISBN 978-5-44-911809-7

© Чудовская Э., 2023

© Де'Либри, 2023

Содержание

Совсем немного дождя	6
1	6
2	10
3	13
4	17
5	21
6	25
7	29
8	33
9	37
10	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Элла Чудовская

Совсем немного дождя

*Самое невероятное приключение в наши дни – это спокойная,
тихая, мирная жизнь.*

Эрих Мария Ремарк.

«Триумфальная арка»

Совсем немного дождя

1

На подоконнике перед Стефанией лежали лекции старенького профессора. Она просматривала учебный материал, и сердце наполнялось тоской: мрачный экзистенциализм Сартра, Камю и Симоны де Бовуар, жесткая, до шовинизма, критика ранних романов автора-женщины... Совершенно неподходящее сопровождение коротко вспыхнувшей жемчужине дня – веером золотистых нитей лучи зимнего солнца прорвались сквозь толщу облаков, играя зеркальным глянецом мокрых улиц, множась в дрожащих капельках воды. Хотелось туда, на этот маленький праздник, но, увы, пройдет он без нее.

Аудитория медленно заполнялась студентами – они заходили группками по двое, по трое, обменивались приветствиями, оживленно переговаривались, с любопытством оглядывали ее фигуру, закутанную в пальто. Ей нравилось приходить первой, внимать этому жизнерадостному гомону, наполняться молодой энергией перед тем, как вступить в диалог со слушателями. Она была немногим старше учеников и тщательно избегала преподавательской назидательности, получая в ответ живую, чуть ли не детскую заинтересованность в предмете, неожиданно взрослые суждения, подростковый азарт. Этих ребят она совсем не знала – дипломникам филфака пары ставили преимущественно во второй половине дня, она же со своими первокурсниками проводила семинары в ранние утренние часы и два раза в неделю вечером; в опустевшем уже институте читала авторский курс по истории в великодушно отведенное ей факультативное время. Светлая часть дня оставалась в полном ее распоряжении, чему она была несказанно рада. Сегодня, задержавшись в деканате, Стефания была поймана секретарем у копировального аппарата. Не успев придумать веской причины для отказа, получила стопку заполненных крупным шрифтом листков и оказалась поставленной на замену.

Посмотрела на ручные часики, глубоко вздохнула – пора. Громко хлопнула дверь аудитории, и зал взорвался рукоплесканием. Что?

– Кристиан, да ты вспомнил дорогу в институт? Не на пороге ли мы конца света? – глумился вязкий женский голос.

– Да он просто заблудился! – выкрикнул парень с задних парт.

– Ты раньше профессора, Кристиан! Не запер ли ты его в туалете? – подхватил озорной мальчишеский тенор.

– Просто заткнитесь, – незлая усталость в ответ.

Пора с этим кончать. Она развернулась к молодым людям, сняла пальто и аккуратно повесила его на спинку стула. Гардеробом давно никто не пользовался – в помещениях стоял сырой, пробирающий до костей холод. Пригладила волосы, выпрямила спину, окинула аудиторию взглядом, сразу вычислила полную девушку с тягучей речью, заносчивого красавца у дальней стены, худощавого обладателя высокого звука на первой парте, последнего вошедшего, упавшего на ближнее к выходу место, – по поникшим плечам. Всего человек двадцать, из них четыре парня. Все кутались в куртки и шарфы. Долго ли продержится она без верхней одежды?

– Добрый день. Меня зовут Стефания, сегодня я заменяю вашего преподавателя. У профессора Герхардта случился сердечный приступ – может быть, вы заметили «скорую» возле здания института...

– А это точно сердечный приступ? – перебила ее «вязкая».

– Точно. – Стефания сама видела характерную синеву на старческих губах, скрюченные пальцы, птичьей лапкой царапающие толстую ткань пиджака на груди.

– Отпустите нас домой! – выкрикнул обладатель мальчишеского голоса. Тоший, вихрастый. – Нам же холодно!

– С радостью, но ваша следующая пара – у декана факультета, и я призвана удержать вас любой ценой. Читать вам, как малолеткам, я считаю унижительным и для себя, и для вас, а посему вот вам текст лекции, откопируете и принесете на кафедру. Давайте побеседуем о литературе...

– Профессор не одобрит и не простит, – констатировала полная девушка.

– Студент должен трудиться не покладая рук: писать, писать и писать! – веселился вихрастый.

– И всё же я оставляю вам материал – пусть меня больше не ставят на замены к людям, которые перебивают преподавателя. Расскажите о последнем прочитанном вне учебной программы.

Она прохаживалась перед рядами парт, останавливаясь напротив говорящих, подхватывала рассуждения, искренне интересовалась неизвестными ей авторами. Пара подходила к концу, студенты, разгоряченные ее неподдельным вниманием, не сводили с нее глаз. Она тоже должна была им что-то дать... Вынула из сумки книгу, без спроса прихваченную из библиотеки Макара – тот все равно не замечал убытка в новом, установленном ею книжном порядке.

– Кто читал? – спросила она у молодых людей.

Последний зашедший в аудиторию парень медленным движением нацепил на нос очки, всмотрелся в название и чуть приподнял над поверхностью парты руку.

– Отлично. Вас, кажется, зовут Кристиан? – Парень чуть качнул головой. – Расскажите своим товарищам, почему им стоит потратить время на чтение этой книги. Я сама еще не дочитала, но, мне кажется, вещь стоящая. Обсудим, если еще доведется встретиться. Лекции на столе. Я с вами прощаюсь. Благодарю за увлекательную беседу.

Главная активистка группы – так обозначила для себя Стефания «вязкую» студентку – подошла к ее столу за лекциями. Неожиданно резко поднялся с места Кристиан:

– Я возьму!

Девушка передернула плечами, бросила на него полный неприязни взгляд, попрощалась со Стефанией и вышла.

– Не хочу, чтоб вас занесли в черный список. Профессор очень щепетилен в вопросах этики авторского права. Составлю конспект и передам его копии группе. Лекции верну вам лично.

Кристиан следил за ее реакцией сквозь стекла очков.

– Да просто оставь на кафедре. У меня нет постоянной аудитории, – отмахнулась Стефания.

– Я вас найду.

Он стоял прямо, смотрел открыто, был высок ростом, широк в плечах. Темные глаза в обрамлении густых ресниц беззастенчиво наблюдали. Ей пришлось посмотреть на него в ответ и встретиться с уважительной мужественностью. Из-за высокого роста Стефании редко приходилось смотреть на людей снизу вверх. Выпрямившийся, стяхнувший телесную леность, Кристиан оказался значительно выше ее.

– Как хочешь. Значит, до свидания.

Он продолжал стоять. Стефания, подхватив пальто и сумку, прошла мимо, рассеянно скользнув по нему взглядом.

Потом уже, пройдя длинные галереи коридоров, на пороге институтской библиотеки она спохватилась и, так и не чувствуя холода, накинула на плечи пальто. Зал был сумрачен и почти пуст; несколько ламп мягко светило над занятыми столами, тихо шуршали страницы. Она кивнула знакомой библиотекарше и прошла к своему любимому месту в дальнем углу. Запах стоял тяжелый, прелый – в неотапливаемом помещении медленно истлевали тысячи и тысячи книг.

Макар строго-настрого запретил ей не то что приносить с собой библиотечные фолианты, даже в сумку их к себе класть. Боялся заразной книжной плесени в доме, трясся над своими бумажными реликвиями... Его дом – его порядки, и она честно высиживала долгие холодные часы в библиотеке, готовясь к занятиям. Сегодня вечером у нее факультатив – хотелось удивить своих немногочисленных слушателей неожиданной подачей материала, быть бодрой и интересной. Сделала заказ в архиве по заранее подготовленному списку и, ожидая, погрузилась в гаджет. Пропущенный вызов от Тимура. Ее телефон существовал в бесшумном режиме, только на звонки от домашних была установлена вибрация. Оставляя маленькую дочь, она не могла позволить себе полное отключение. Срочности в разговоре с мужем Стефания не находила – вчера они обсудили все интересующие вопросы. Кто-то на первых столах зашелся в долгом надрывном кашле. Внутри у Стефании всё сжалось – она не имеет права подцепить вирус и принести болезнь в принявший ее дом. Любая зараза пугала до ужаса. Миром завладела пандемия «вируса сна». Здесь, на острове, в чистой зоне, она с дочерью и теткой оказалась благодаря заслугам отца перед наукой и человечеством. Заслуги эти она не признавала, признание считала авансовыми ожиданиями, но шансу, данному им, была благодарна. На материке отец разрабатывал вакцину, предназначенную избавить людей от очередного мора. Тимур был его учеником, коллегой, правой рукой и – так удобно для всех сложилось – ее мужем. Они воодушевленно трудились, она с ребенком была в безопасности, а ее мама спала. Спала в глубокой летаргии, сраженная новой «чумой», под наблюдением ее отца и мужа. В их безраздельной власти.

Вчера в Сети появились первые весточки о проснувшихся – похоже, вирус, который уже более полугодом держал человечество в своих беспощадных мертвенных объятиях, отступал, так и не дождавшись создания ни действенной вакцины, ни лекарства. Ни одно правительство не выступило с официальными заявлениями, научный мир молчал, люди питались слухами, столь же радостными, сколь и ужасающими. Когда она перед парами принесла Ханну Ларисе, жене Макара, то первым делом попала под обстрел их нетерпеливых расспросов. Как же! Она ведь приближенная к центру решения проблемы – должна всё знать. Тем не менее, впервые услышав от них о пробуждении заболевших, она ничего не могла им ответить. Оставив семимесячную дочь, она всю дорогу до института безуспешно пыталась дозвониться отцу и мужу. Все пары сверлила взглядом экран телефона, ожидая вызова, и лишь после обеда Тимур ее набрал. По его до заискивания мягким интонациям, зажевыванию окончаний слов она понимала, что на волнующей ее теме лежит запрет, что отец попросту избегает общения с ней. Она настаивала. По гулкому эху, которое сопровождало голос мужа, догадывалась – для разговора с ней тот укрылся в каком-то пустом помещении, а значит, отца рядом нет и она может попытаться надавить.

– Ты выкручиваешь мне руки! Ты же знаешь, я связан режимом секретности! Меня могут прослушивать! – Тимур срывался на крик и был готов прекратить разговор.

– Успокойся, дорогой. Мне нет дела до ваших тайн. Ты же знаешь, меня волнует только мама...

– Оливия стабильна. Все показатели в норме. Она спит.

– Но кто-то уже проснулся?

– В наших палатах случаев «возвращения» не было.

– Где-то были?

– ...

– Послушай, я правда не пытаюсь выведать у тебя то, чем ты не можешь поделиться. Я сама тебе скажу: множество, огромное множество источников пишут и рассказывают о том, что зараженные просыпаются, и они не в порядке – слабоумие, неадекватность, помешательство, сомнамбулизм, амнезия... Это не может быть выдумкой, и вы не находитесь в информа-

ционном вакууме, чтоб ничего об этом не знать. Допустим, у вас нет собственных наблюдений, но что ты об этом думаешь?

– Чисто теоретически – я повторюсь, чисто теоретически – после продолжительной комы, а именно так мы определяем то, что вы называете «сном», нейропсихиатрические осложнения практически неизбежны. Тяжесть и глубина повреждений мозга так же индивидуальны, как и способность к реабилитации.

– Полное восстановление возможно?

– Да.

– Хорошо. Исключительно из-за того, что отец не хочет со мной разговаривать, я думаю, всё началось уже давно. Ваши выводы весьма неутешительны. Он что-то замыслил. Но он же принципиально никогда не врет, да, Тимур?

– Да.

– Держи меня в курсе по возможности, пожалуйста.

– Угу.

– Ты не спросишь про Ханну?

– Как Ханна?

– Она растёт, Тимур. Здоровая, сообразительна, у нее...

– Отлично! Просто отлично! Я задержался. Поцелуй малышку. Пока.

«Поцелуй малышку». Ты, Тимур, муж условный, отец безразличный – безропотный слуга тестя при науке. У Ханны к году формируется слоговая речь – ей некого называть папой, зато дедов у нее в избытке. Она окружена искренне любящими людьми, счастливый ребенок.

Счастливый ребенок вчера поймал все подарки солнца, которые достались острову в последний ноябрьский денек. Закончив работу, Стефания успела присоединиться к дружной компании из Ларисы, Макара, Машки, Яна, Ханна и Лилы, французской бульдожки, влюбленной в ее дочь, на городском пляже. Ей дали насладиться теплыми объятиями дочери, выдержали ее прогулку вдоль кромки моря в сопровождении заигрывающей Лилы, наконец, усадили на плед, вручили бокал вина и устремили к ней нетерпеливые вопрошающие взоры. Ну что она могла им сказать? Всё правда. Но, в большинстве случаев осложнения, вызванные болезнью, корректируются. Информации мало, надо ждать. Мама стабильно спит.

Они все так обрадовались, будто она и правда сообщила что-то важное, хорошее. Вернулись к прерванной суете: дети, собака, песок везде, что не ешь?.. ешь скорее... И только Машка, подруга, поглядывала недоверчиво. Отвернулась от нее, подставила лицо солнцу, следила сквозь прищуренные веки, как блестящими чешуйками переливаются волны, набегающие на берег долгими пенными языками. Было тепло, хорошо и спокойно здесь и сейчас...

– Вам просили передать. – Смотрительница зала протянула Стефании ее полосатый шарф. – Вы в аудитории оставили.

– А? Да, спасибо.

Щекам отчего-то стало жарко.

И все же надо позвонить Тимуру – может, что-то скажет о маме...

2

Угрюмый таксист высадил ее перед воротами дома Макара. Поездка в полном молчании сквозь погруженный в темноту город подействовала угнетающе – она так и не решилась попросить водителя включить музыку. Всю дорогу прокручивала в голове разговор с Тимуром. Тот лишь попросил не звонить ему без крайней необходимости; если у него будут новости о маме, он сам свяжется. Конечно, дорогой, конечно, мы тебя не побеспокоим. Так ведь сам и звонил – оказалось, случайный вызов. Было обидно – за себя, за дочь. И только. Одинокой она себя не чувствовала. Не успевала погрузиться в меланхолию – так загружены были ее дни людьми и делами. Вот и теперь, как только распахнулись двери шумного теплого дома, ее сразу обволокло участием и заботой. Ты замерзла? Ты ела? Ты бледная! Раздевайся, мой руки, не хватай ребенка, ледяная вся!.. И горячий суп уже парит над тарелкой, и Ханна жмется на коленках, и Лила тут же уперлась передними лапами ей в бедро – меня тоже возьми, – и Ян выстраивает перед ней своих пластилиновых прекрасных уродцев, и Маша с Ларисой сидят напротив, одинаково поставив локти на стол, уперев в ладони подбородки: ты ешь, ешь, а потом рассказывай, и мы все расскажем... Густое покашливание доносится из гостиной.

– Это что? Это то, о чем я думаю? – Стефания аккуратно подносит ложку с супом ко рту, успешно минуя пушистую макушку верткой Ханны.

– Ага, – смеется Лариса. – Забрали мы деда. Хотели сюрприз тебе сделать. Будем вместе жить.

Шуршат по ступенькам тапки Макара – спешит, спускается из своей волшебной башни.

– Как вместе? – Стефания проливает суп, передает дочь Ларисе, идет за тряпкой.

– Как, как... так. – Макар включает чайник. – Кто со мной будет чаевничать? – Собирает заявки и вынимает кружки из шкафчика. – Дед! Чай? – кричит в глубь дома.

– Бху-бху! – отвечает дед Прокопий, кряхтит, выжимая крупное костлявое тело из мягких подушек дивана.

Все наконец собрались за круглым столом. Прокопий сразу занимает руки делом – колет грецкие орехи, вынимает ядрышки из скорлупок, складывает в глиняную пиалу. Он здесь, но он здесь не главный. Все решения за хозяином дома.

– Мы, Стеша, посмотрели долгосрочный прогноз погоды – впереди резкое похолодание на долгие недели, дожди. Это раз. Мы подсчитали расход на два дома и запасы угля. Это два. Мы проконсультировались с «главным экономистом» острова...

– Это кто? – Стефания уже поняла, к чему идет разговор.

– Джина, хозяйка кафе на набережной. Ты же знаешь ее, – пояснила Лариса. – И она не гарантирует, что сможет обеспечить нам топливо. За любые деньги. Это три. Дом Прокопия неприлично старый...

– Это я неприлично старый. А дом – нормальный дом, – без особых эмоций прокомментировал Прокопий.

– Нормальный дом Прокопия свистит сквозняками из всех щелей. Это четыре. Дед что-то закис в одиночестве целыми днями...

– Сам ты закис, Макарий. – Прокопий возражал исключительно ради обозначения своего несокрушимого «я».

– Это пять. Вас с Ханной мы одних ни за что не оставим. Это шесть. Достаточно аргументов?

– Седьмое – дед уже здесь, а одной в доме страшно. Как же мы разместимся? – Стефания была умной девочкой – не пыталась противостоять логическим и рациональным конструкциям.

Все выдохнули. Дед был откровенно рад, да ведь он и вправду что-то расклеился в последнее время. Машка, пританцовывая, собирала посуду со стола. Макар с Ларисой довольно переглядывались. Стефания вдруг поняла, как устала от своих попыток организовать нормальную жизнь в доме с чудеснейшим, но чужим и таким трудным от старости дедом, сразу будто размякла.

– Эй, Стефа, не спи! – Машка теребила ее за плечо. – Нам еще ваши вещи надо успеть перенести. Твоя комната будет рядом с моей. Круто?

Они с Машей ровесницы, но та ведь совсем девчонка девчонкой... Лариса отправила с ними Макара – тяжести-то кто понесет? Да какие там тяжести, Лар? Это просто она, глупая, еще не осознала масштаба переезда. Масштаб был абсолютный. Пока они с Машей собирали тряпочки-посудки, Макар успел перенести обеденный стульчик Ханны, ее кровать, коляску, даже ванночку. Навьюченные сумками с одеждой, они зашли в подготовленную для мамы с малышкой комнату на втором этаже, о существовании которой Стефания и не подозревала.

– Я тут все расставила – должно быть удобно, как мне кажется. Потом ты под себя всё устроишь, если захочется, да? Сегодня поскорее разложи необходимое, я пока Ханну искупаю, и будем ее укладывать. – Лариса потирала ладошки, окидывая хозяйским взором комнату.

Внизу что-то грохнуло и раздался отчаянный рев. Ларису моментально унесло вниз, Стефания дернулась было следом, Машка села на пол перед пакетами:

– Это Ян. Что-то уронил и превентивно орет, чтоб его не отругали. Будто его, бедняжку, кто-то когда-то ругает. Лариса разберется.

– Она всё всегда и везде успевает? Всё и все у нее под контролем? – Стефания спрашивала, не поворачивая головы, раскладывая детское бельишко в ящики комода.

Маша подошла, заглянула ей в лицо:

– Ты же не замышляешь побег? Шучу. Расслабься и позволь ей сделать твою жизнь легкой и приятной. Есть женщины, которым идет быть хозяйкой большого дома, собирать вокруг себя многочисленную семью, окутывать каждого заботой... Ей это не в тягость, поверь. Тебе не предъявят счет за потраченную любовь. Лариса – искренний человек и чуткий. Если тебе что-то не подходит, она всегда к тебе прислушается.

– Ты тут, значит, кайфуешь? – Стефа усмехнулась, удивляясь про себя этой пламенной речи невестки в защиту свекрови.

– В меру своих сил и способностей. Я сопротивлялась поначалу, и еще как. Что-то там отстаивала... Пустая трата сил – она всё равно всегда оказывается права. Ну, почти. И я почти уже не спорю.

– Но ведь споришь?

– Конечно! Сегодня я доказывала, что нельзя переносить твои вещи, пока ты не дала согласие. Нет, я знала, что ты согласишься, но ведь так нечестно.

Стефания засмеялась и крепко обняла подругу:

– Какая же ты милая, Маш. Защитница.

– Теперь всё хорошо?

– Теперь всё просто отлично!

Прокопия обустроили в гостиной ради всеобщего спокойствия и удобства – никому дед со своими старостью, бессонницей и курением не мешает. Всё равно все крутятся целыми днями на большой и теплой кухне.

«На новом месте приснишь жених невесте», – подумала Стефания, проваливаясь в мягкую душистую постель навстречу сладкому сну хорошо потрудившегося человека. Откуда-то донесся тихий скрежет когтей по дереву. Мыши?! Следом чуть погодя раздался тихий стук в дверь, и Маша с оленьим невинным взглядом робко протиснулась в комнату, пропуская перед собой Лилу:

– Она всегда спит возле самого младшего. А теперь это Ханна. Можно? Иначе она никому покоя не даст. Она совсем тихонькая девочка у нас...

– Ну что с вами делать? Можно.

Сквозь дрему Стефания наблюдала, как в свете ночника Машка пристраивает лежанку Лилы под детской кроваткой.

– Я не буду дверь плотно закрывать, вдруг ей надо будет выйти ночью, хорошо? Добрых снов. – Маша, не дожидаясь ответа, уже скрылась в коридоре.

– Ой, да ну вас всех... – буркнула Стефания, зарываясь поглубже в подушку. – Что хотите, то и делаете.

Дом безропотно принял новых жильцов, укрыл и обогрел. Приглушил все звуки: скрип перекрытий, дребезжание ставен, плевки дождя в окна, стук веток в саду – холодный циклон пришел ночью, жадно набросился на спящий остров, шквалистыми ветрами и ледяной водой проникая во все уголки и щели; покашливание и шаткие шаги Прокопия – в туалет, покурить, на кухню; храп «тихонькой девочки» Лилы под младенческие причмокивания Ханна... Даже сны не побеспокоили обитателей дома, ни добрые, ни тревожные – никакие.

3

– Стефания! Мы поставили вас на все пары профессора! – первым делом, вместо приветствия, провозгласила секретарь.

– Э-э-э... Я как бы...

– Стефания! Вы уж-ж-жасно понравились студентам!

– Это кто сказал?

– Ко мне подходила Агния, старшая на потоке! Прямо огонь, говорит! Весь курс с вами заиграл новыми красками!

«Ну что за восклицательная женщина...» – с раздражением подумала Стефания, сдержанная и холодная по натуре.

– Я не могу – у меня полставки.

– А будет ставка! Я уже всё согласовала!

– Он что, умер?

– Кто?! Профессор Герхардт?! Тьфу-тьфу! Он нас часто пугает! Всё! Решено! Вот материалы по его курсу – изучайте! – Секретарь попыталась вложить в руки Стефании толстую папку.

– Нет. – Стефания сделала шаг назад. – У меня маленький ребенок, я не располагаю лишним временем. Дождитесь возвращения профессора. Не хорошо же так с пожилым человеком. Со всем уважением, мои пары уже начались.

Смущенная своим решительным отказом и беспардонной напористостью секретаря, Стефания бегом спустилась на первый этаж корпуса к назначенной ее студентам аудитории. Под распашными дверями, привалившись спиной к стене, ее ожидал Кристиан. На его волосах и одежде блестели капли дождя.

– Я уж думал, вы не придете. Вот лекции, как обещал. Здравствуйте.

– Привет. Меня задержали. Спасибо. – Стефания забрала листки, заботливо сложенные в файл. Шагнула к двери, взялась за дверную ручку, повернулась обратно: – Мне сказали, Агния просила в деканате поставить меня к вам на постоянную замену. Агния – это кто?

– Девушка, такая... – Парень замялся, подыскивая подходящие слова. – Она еще усомнилась в болезни профессора. Цепляется вечно ко всем.

– Ясно. Странно, мне казалось, я ей не понравилась. Спасибо. Прощай.

– А вы согласились?

– Нет. – Стефания рванула на себя тяжелую старую створку.

– Мне жаль, – сказал он ей в спину.

Ему жаль, нахал каков. Пары пролетели незаметно. Украдкой пробралась в деканат, оставила файл на столе профессора Герхардта. На сегодня всё. Библиотечные часы за неделю она отработала, вечерних занятий нет, можно вернуться домой и приступить к обустройству нового жилища. Заказала такси и выскочила под навес с колоннами у центрального входа в здание института. В лицо ударил залп ледяного ветра с дождем – притихший к утру циклон снова набирал силу. Раскрыла зонт, и его тут же вывернуло спицами наружу. Таксист нетерпеливо посигналил. Везет ей с водителями, ничего не скажешь. Из тени колонны вышла темная мужская фигура и перекрыла ее от порывов ветра огромным зонтом, направляя и сопровождая к ожидавшей машине. Стефания с благодарностью приняла этот добрый жест, пытаясь разглядеть мужчину сквозь пелену волос, выбившихся из высокого пучка. И только нырнув в салон такси, отведя от лица налипшие мокрые пряди, всё еще чувствуя на локте прикосновение горячей поддерживающей руки, она смогла его узнать – Кристиан улыбался, положив на плечо основание зонта, моментально ставшего игрушкой ветра. Он поднял в прощальном жесте свободную руку, и Стефания захлопнула дверцу, так и не успев изобразить на лице подобающую

случаю мину – кажется, она тоже улыбалась. Таксист рванул с места, рассмотрел в зеркале заднего вида ее растерянное лицо и решил разжиться очередной пикантной историей пассажира:

– Галантный кавалер. Но вы будто ему не очень рады, не так ли? Он вам докучает?

– Он? Мне? С чего вы взяли? Сделайте, пожалуйста, радио погромче.

Стефания отвернулась к окну и всю дорогу смотрела на мутную, исчерченную косыми бороздами водную пленку под неодобрительное, как ей казалось, молчание водителя. Как ни странно, в ее многоумной голове не было ни одной мысли. В какой-то момент она поднесла руку к губам и, касаясь их кончиками пальцев, обнаружила непроизвольно блуждающую улыбку. Когда она так улыбалась в последний раз? У дома, принимая плату, таксист подмигнул ей по-свойски:

– А тебе нравится этот красивый парень!

Стефания осталась стоять у ворот, разглядывая сломанный зонт с торчащими остриями спиц, пиная сапожком яркие красные бусины, сбитые стихией с растущего у забора дерева магнолии. Дождь и ветер стихли. Она собрала пригоршню ягод и только потом зашла во двор.

– Как хорошо, что ты сегодня пораньше! Я тут одна с детьми, ничего не успеваю! – радостно встретила ее Лариса с не проявляющей к матери интереса Ханной на руках. – Помогли уложить эту неприветливую девочку – что-то она куксится сегодня. Потрогай десенки – возможно, очередной зуб лезет. А что у тебя в руке?

– Ягоды магнолии. Они съедобны? – Стефания разжала кулак, так и не сняв пальто.

– Выброси это сразу в ведро, чтоб никто не проглотил. Что-то съедобно, что-то лечебно, что-то ядовито в этом дереве – я так и не вникла. Спроси потом у Прокопия, если интересно. Он буквально перед твоим приходом ушел к себе в дом, Ян с Лилой за ним увязались. И давай шустрей, раздевайся, вливайся – стоишь как неродная. – Лариса посмотрела на нее внимательно, замолчала, подошла и потрогала лоб тыльной стороной ладони. – Ты себя хорошо чувствуешь?

Стефания кивнула, приняла озабоченный вид и стала такой, какой ей надлежало быть: молодой мамой на подселении у хороших людей. Уложила дочь спать и спустилась к Ларисе на кухню:

– А где Маша с Макаром?

– Ой, всё не слава богу. Машка встала утром вся какая-то помятая. Я на нее смотрю и говорю: волосы подбери. А у нее одна щека чуть не до плеча висит. «Ты что, совсем в зеркало на себя не смотришь?» – спрашиваю. Погнала их с Макаром к зубному. Там сразу – зуб на удаление! А обезболивающих в городе уже месяц нет. Как же по живому-то?! Макар давай Джине звонить. Та метнулась, привезла им новокаин, что ли, не знаю. Сердобольная женщина.

– Ага, сердобольная. Денег сколько взяла? – Стефания забрала у Ларисы разделочный нож и занялась нарезкой овощей.

– Что тут поделаешь? Не дороже денег, как говорится. Макар всё решил. Когда уже только это всё закончится? Когда начнутся поставки с материка? Мы же так в пещерный век скатимся!

– Не знаю, Лар. Пока никаких утешительных новостей.

– Ну и ладно, и ладно. Всё у нас хорошо. – Лариса вытерла тыльной стороной ладони выступившие слезы. – Повезло тебе – я уже лук нарезала.

Опять о сыне вспомнила, подумалось Стефании. Как же медленно идет время ожидания.

– Лар, я хотела финансы обсудить. У меня зарплата небольшая, но и тратить особо не на что...

– Цыц! Тоже мне, объедите вы нас с малышкой! Ребенок ого, сколько денег тянет. Сама тоже ходишь в одном свитерке. Ты же на людях! Закрыли тему. – Лариса сердилась и «луковых» слез больше не лила. Вот и хорошо.

– Вы мне хоть поручения какие-то давайте – я же в центре почти каждый день бываю.

– Договорились. Ты что мне капусту такими лаптями рубишь?! Сама ведь в рот потом не сложишь...

– Прости, Лар. Я к кухне не очень-то приучена. Покажи как...

– Так у вас Марта всем хозяйством занималась. А ты давно тетку видела? Как она? – Лариса ловко, тонкой лапшичкой, перекроила ломти отрезанной капусты. – Вот, смотри на мои руки – поперёк среза листьев, вдоль кочана, аккуратно веди нож.

– Так? – повторила Стефания движения хозяйки.

– Сойдет. Из тебя еще выйдет толк. Так что Марта?

– Не знаю. Больше месяца не виделись. И она занята, и у меня не так чтоб много времени для встреч, да и не очень хочется.

– Не теряй связи со своими. Марта – классная тетка. Приглашай ее в гости. Слышишь, Стеш?

– Хорошо.

Никогда не любила она эти женские разговоры – ни о чем да про всё, и мнений и советов непрошенных вагон. Ханна бы проснулась уже, что ли.

Наотмашь хлопнуло порывом ветра по окнам.

– Ой, мамочки! – вскрикнула Лариса. – Я побегу за Яном!

– Куда бежать? Прокопий соображает же еще – пересидят в доме. Который раз сегодня уже такое, это ненадолго, – пробурчала Стефания.

И не успели они опомниться, как на пороге показался всклокоченный Прокопий с Яном на одной руке и Лилой – на другой.

– Заберите скорее у меня эти драгоценности – с ног валюсь! – вскричал старый грек. – Вы меня жестоко обманули! Это не четырехлетний маленький мальчишка – это гигантский пятилетка!

– Нас с Лилой чуть ветром не удуло, вообще! – восторженно верещал мокрый насквозь Ян.

– Что ж вы вышли в такую непогоду?! – возмущалась Лариса, стаскивая с внука сырую одежду. – Стеша, Лилу лови, в полотенце ее и на диван – пусть сидит сохнет, а то устроит тут...

– Мы же медленные, Лариса, прекрасная женщина в гневе, для нас триста метров между домами – путь. Были пойманы погодным залпом на дороге. – С жестяным грохотом сбросил Прокопий на пол огромный рюкзак. – И мы пошли к людям, к вам. Я всё мокрое здесь оставляю – потом приберу – и к собачке, на диван. Можно?

– Иди. Сейчас горячим чаем с имбирем вас поить буду. Стеш, сбегай в Машкину комнату за сухими вещами.

Когда Прокопий разворошил свой рюкзак и начал вытаскивать из него одну древность за другой, Стефании жгуче захотелось оказаться в холодных стенах института с его беззаботными студентами. Может, зря она отказалась от дополнительных лекций?

– А вот это, смотрите, турка, какая еще у моего деда была. Видишь, какие стенки толстые и ручка длинная – ее можно над огнем держать. Вот газа не будет, света не будет, а мы камин затопим и кофе сварим.

– А кофе будет, по-твоему? Прекращай, Прокопий, ужас наводит – сердце уже заходится от тебя.

Лариса прижала руку к груди. Стефания сразу посмотрела на ее губы – ничего, алеют. От нервозности хозяйки заныла челюсть – только бы у нее ничего с зубами не случилось.

– Я с собой работы много взяла – меня лекции поставили заменять по непрофильному предмету. Поднимусь наверх, почитаю?

Стефа укрылась в своей комнате, возле посапывающей малышки. Сумасшедший дом какой-то. Она ведь нисколько не соврала, лишь назвала состоявшееся событие предстоящим.

Вернулись Маша с Макаром, внизу поднялся галдеж. Спустя непродолжительное время по лестнице прошелестели легкие Машины шаги и затихли в соседней комнате. Стефания раз-

мышляла: должна ли она зайти проведать подругу, или той требуется отдых? Я сплю, решила она, ничего не слышу, ничего не знаю – и закрыла глаза.

4

– К вам там пришли. – Молоденькая смотрительница библиотеки в жилете из овчины остановилась возле стола Стефании. Стефания подняла глаза от своих записей, в недоумении уставилась на девушку. – Молодой человек в дверях. – И глаза такие заговорщицкие, словно у них есть общая тайна.

– Спасибо. Сейчас подойду, – ответила Стефания максимально нейтральным тоном, будто даже ждала этого визита, но только не решается прерваться вот так, на полуслове, на полуфразе...

Молодой человек маячил в дверном просвете, вызывая семафоря алым букетом. Где можно раздобыть такое великолепие посреди зимы? И, только подойдя совсем близко, она поняла, что это не цветы, а полусобранный красный зонт.

– Что это? – вместо приветствия, тем не менее, спросила она.

– Зонт, – ответил он. – Сегодня Новый год.

– Ну и что?

– Хочу подарить. Он особенный. – Кристиан, а это был конечно же Кристиан, расправил зонт и продемонстрировал купол со всех сторон. Зонт имел неправильную, вытянутую в одну сторону форму. – Суперлегкий, суперпрочный, способен выдержать порывы ветра до полутора тысяч метров в минуту...

– Я не приму.

– У вас зонт сломан, я видел. Оставлю здесь. На нас и так все смотрят – пусть думают, почему это вы не забрали зонт, наверняка где-то просто позабытый по рассеянности, собственной увлеченным людям...

– Здесь стоп! Самое мерзкое, что может делать мужчина в отношении женщины, – это шантаж. Ты не представляешь, насколько низко пал в моих глазах.

– Приму за урок. – Кристиан не стал множить слова, так легко толкающие его в пропасть разочарования. Сложил зонт, убрал его в чехол. – На самом деле я хотел пригласить вас на море.

– Море? Сейчас? В такой холод, ты шутишь? – Стефания смотрела на него как на безумного.

– Море всегда придает сил. Вы выглядите уставшей. Можно же не выходить из машины. Посидеть рядом с ним, послушать, подышать. Возьмите зонт – правда, ни к чему плодить домыслы, – а когда соберетесь домой, просто вернете мне его. Я буду ждать у выхода, в красном «жуке».

Кристиан протянул зонт, раскланялся так, чтоб скучающий зритель мог прочесть в его жестах и мимике благодарность студента преподавателю за ценные инсайты, неловкость и удовольствие от внимания такого значительного человека...

Когда Стефания вернулась в читальный зал с зонтом в руках, все носы были спрятаны в высокие воротники и глубоко погружены в свое дело. Она посидела несколько минут за столом, сделала отметки в записях. Собрала вещи и, оставив книги на столе администратора, вышла.

Красная маленькая смешная машинка стояла немного в стороне от центрального входа. Водитель спал, уперев лоб в руки на руле, за волосами не было видно лица. Стефания постучала в стекло. Человек в салоне не шевельнулся. Она постучала еще раз, столь же безрезультатно. Послышался шелест протектора по дороге, Стефания испугалась неизвестно чего, дернула ручку дверцы заднего пассажирского сиденья и укрылась в салоне. Мимо проехало маршрутное такси, высадило группу студентов – теперь все сбиваются в стайки в целях экономии. И что же, Кристиан настолько крут – рассекать в личном авто в эти тяжелые времена? Не с первого тычка, но разбудила парня.

– Извините, задремал. Работаю ночами. Поедем?

– Хотела только зонт вернуть, но, кажется, едем. Одно условие – я должна быть здесь через два часа, ровно в пять. Меня будут ждать.

– Мы будем вовремя.

Кристиан повернул ключ в замке зажигания и плавно повел машину в сторону берега. В его манере вождения было столько же ленивой мягкости, как и во всех его движениях.

– Почему такая машина, Кристиан? Зонт принес красный, машина красная. Любимый цвет? – Стефании казалось, что она подчинилась каким-то навязанным ей условиям. Хотелось обозначить моральное превосходство даже такими мелочными придириками.

– Это бабушкина машина. Я не очень люблю водить, да и все находится рядом, лучше пройти. Сегодня просто такой день.

– Бензина не жалко? Его уже просто так не достать – такси каких-то невероятных денег стоит. Моей предыдущей зарплаты на такси бы как раз и хватало. Я ведь взяла пары профессора Герхардта, а тебя ни разу на занятиях не видела, что нисколько не волнует, как ни странно, деканат. У тебя особое положение в институте?

– Отвечу в обратном порядке. Да, у меня блат. Что вы на замене, знаю. Бензин экономлю, как и все. Вы еще забыли отметить запах в салоне.

– Какой запах? Не чувствую ничего особенного.

Стефания втянула воздух носом, но ничего, кроме аромата своих влажных волос, не почувствовала.

– Сладкий запах – пудра, роза, что-то еще такое пыльное. Запах бабушки. Моей. Выветривается потихоньку.

Кристиан был спокоен и сосредоточен, смотрел на дорогу, к пассажирке излишнего внимания не проявлял. Он настолько не пытался понравиться или произвести какое-то особенное впечатление, что Стефания сама не заметила, как все ее иглы были сложены и укрыты, словно спицы зонта чехлом.

– Вот мы и приехали. Смотрите, мы здесь не одни. Многие островитяне приходят тридцать первого декабря к морю – попрощаться с уходящим годом, отдать воде все свои горести и тревоги, попросить удачи и счастья в году будущем. Бабушка верила, что в воде – большой воде – заключена невероятная магическая сила. Это была наша с ней традиция – провожать год у моря.

– Бабушки нет?

– Да, уже больше года. Я прошлый год пропустил, не поехал без нее, и вот что с миром случилось.

Кристиан так улыбался, что у Стефании слова сочувствия захлестнуло мыслью о том, что ее обществом заместили милую, безусловно, старушку.

– Соболезную. Видимо, вы были близки.

Ей удалось сдержаться и остаться в рамках хороших манер.

– Очень. Она была моим другом. Кажется, сильного ветра нет. Я бы вышел. Пойдете?

Он выбрался из машины, поплотнее запахнул пальто, открыл пассажирскую дверцу и предложил ей руку. И правда, «галантный кавалер» – должно быть, стоит поблагодарить бабушку за воспитание внука, подумала Стефания.

– Надо подумать обо всем, что было, и честно назвать все события. Вот я, например, поругался с отцом, мы не общаемся уже месяцев пять. Я не знаю, кто из нас больше неправ. Но я переживаю, мне плохо, и ему плохо... Никто не идет на перемирие – каждый держится своих принципов. Я понимаю, как это глупо. Я дурак и признаю это. Хочу поумнеть в следующем году и всем здоровья. Как-то так. Помолчим, да?

– Помолчим.

День был хороший, не солнечный, но светлый и относительно сухой – в воздухе висела едва ощутимая кожей водная пыль. Смеркаться начало неожиданно и быстро – море темнело скорее неба. Стефания прикрыла глаза: небольшие, но тяжелые волны ворочали донные камни и ворчали о своем тяжком труде; чайки пролетали с таким пронзительным криком, что казалось, они несутся на невероятной скорости; ветер посвистывал, перебрасывая волосы то в одну, то в другую сторону, не в состоянии выбрать одно направление; пахло водорослями, солью, мокрым песком, холодной водой и тоской... Ей очень хотелось в следующем году встретиться с мамой. Здоровой, обычной, нормальной своей мамой.

– Я замерзла, Кристиан. Ты все успел, мы можем ехать? Наверное, уже пора.

– Едем, я готов.

Совсем не хотелось разговаривать. Всю дорогу провели в согласном молчании. На подъезде к зданию института Стефания попросила высадить ее у бокового входа – тетка наверняка приехала раньше, сидит и терпеливо ждет. Прошла сквозь корпус, встретила парочку своих студентов, обменялась приветствиями, вышла прямо к большому белому внедорожнику. Задняя дверца распахнулась, и из глубины салона Марта поманила пальчиком: иди, иди сюда. И откуда взялись такие замашки? Помолчать не удалось – Марте надо было обсудить новогодние традиции «этих русских», уместность своих подарков, успехи Ханны, рабочие условия Стефании, погоду, экономику, политику... В общем, всё что угодно, кроме самой Марты и ее дел. Марта была верна себе – и безмерно раздражала! В какой-то момент Стефания отключилась, ушла в свои мысли, и Марта перенесла свое внимание на водителя. Их голоса – рокот прибоя и крик чайки. Что она забыла попросить у моря?

Оказалось, что Новый год – это самый главный праздник. Отмечать его следует широко, готовиться желательно неделю. Стефания уклонилась от предварительных мероприятий и теперь с подозрением смотрела на яства на столе, с сомнением оценивала подготовленный ей маскарадный костюм, с интересом угадывала всех остальных.

– Не угадаешь – и не пытайся. Это наш, так сказать, праздничный фольклор. И мы все слегка «недоделанные», – развел руками Макар.

– Какие, какие? – шутливо нахмурилась Лариса и замахнулась полотенцем.

– Это они шутят, – пояснила прибывшим смущенная Маша.

– Нет, это они разминаются! Бху-кха-кхе! – подал голос Прокопий.

– Я пират! – выступил Ян и натянул на глаз черную повязку.

– Уа-а-а-а-а, – заплакала Ханна.

– И вот так на любую декорацию на лице она реагирует, – сказала Лариса, перекрывая собой внука. – Я же сказала, сними, пожалуйста!

– Я могу вручить свои подарки? – пискнула Марта.

– Нет! Нет! Подарки в полночь приносит Дедушка Мороз и прячет их под новогодним деревом! – понизив до густоты голос, возвестил Макар.

– А дерево это вот, – выдала следующее пояснение Маша, указывая на кадку в углу с увешанной игрушками и блестящей мишурой пальмой.

– А я как же? Мне же через пару часов назад ехать! – забеспокоилась Марта.

– Мы всё учли. Подарки подпишем и всё сделаем как надо. Садимся за стол! –скомандовала Лариса.

Все расселись и начали есть. Бедная Марта. Стефания уже немного познакомилась с этой тяжелой праздничной кухней, а тетке всё было в диковинку: и странновато, и страшновато. Сама напросилась – пусть теперь не жалуется. Всё же Марте удалось влиться в коллектив: и едой насладиться, и застольную беседу поддержать. Молодец.

Всё, что происходило, называлось «домашние посиделки». Они не были настоящим соблюдением традиций, ведь по правилам есть и пить надлежало до двенадцати ночи, а потом еще, возможно, до утра. Но средний возраст коллектива не позволял соблюсти все условности,

и режим дня практически не был нарушен, только дед полночи шуршал внизу, художественно раскладывая подарки под пальмой.

Часов в шесть утра из гостиной раздались восторженные вопли Яна. «За что?» – подумали все обитатели дома, накрывая головы подушками...

Подарки Марты оказались неуместно и неприлично дорогими, но такими красивыми, такими неожиданно желанными. Всем было неловко. Все ворчали и возмущались, прижимая к себе обновки и кутаясь в чудесные вещички. Естественно, кроме Яна, Ханны и Лилы – они полностью отдались чистому счастью и откровенному восторгу. Ах, Марта, что же ты делаешь с нами, негодница...

5

Он открыл дверь своим ключом и, не разуваясь, занес покупки на кухню. Пахло застоявшимся дымом, неубранным кошачьим лотком. Кошка радостно выбежала ему навстречу; терлась о ноги, оставляя клочки серой шерсти на брюках. Он открыл кошачьи консервы и выложил в вылизанную до блеска миску. Заглянул в холодильник – всё, что он привез в прошлый раз, надорвано, надкусано, отпито и позабыто. Отец так и не приезжал.

– Мама! Мама, я приехал! – Кристиан приоткрыл окно в гостиной и поднялся наверх в кабинет матери.

Там, посреди большого ковра цвета индиго, на подушке из натурального меха, в теплом кашемировом костюме, с акустическими наушниками на неприбранной голове, сидела его мать. Экран ноутбука подсвечивал ее бледное лицо голубым сиянием, усиливая неизбежное при ее возрасте и образе жизни увядание. Как хорошо, что она себя не видит. Руки с тонкими длинными пальцами непрестанно летают над клавиатурой. Во время пауз мать отпивает остывший кофе из большой толстостенной кружки и затягивается вечно тлеющей сигаретой, осторожно пронося столбик пепла к пепельнице. Посуда стоит на одноразовой пленке – если мать что и любит, так это свой синий ковер. Еще этот вид из окна, свои книги, свои мечты и воспоминания о его детстве... Кристиан подошел к панорамному окну и стал наблюдать за тем, как мятно-серые, покрытые белыми гребешками волны катятся к высокому берегу, ударяются о скалы, забрасывают клочки пены на набережную. Ветер треплет шевелюры высоких пальм, сминая их в однобокие ирокезы, рвет капюшоны с одиноких прохожих, подвешивает чаек неподвижными тире на фоне сереющего горизонта. Он ждет, когда мать оторвет глаза от своего текста и заметит его присутствие.

– Кристиан, мой дорогой! Ты пришел! – Мать снимает наушники, убирает ноутбук с колен, тушит недокуренную сигарету, откидывается назад, выпрямляет сложенные кренделем ноги, шевелит ступнями, восстанавливая трофику. – Подожди секунду, сейчас встану и обниму тебя. Такую сцену пишу! Гениальная идея пришла, просто гениальная... Ты прочитал, что я тебе прислала?

– Да, мам. Здравствуй.

Они наконец обнимаются и идут вниз.

– Что за холодина! Кто открыл окна?! – Мать зябко обнимает себя за плечи и стремительно захлопывает створку.

– Здесь дышать невозможно, мам. Мало того что ты непрестанно куришь, так еще за кошкой не убираешь, – Кристиан выбрасывает просроченные продукты из холодильника и закладывает только что принесенные. – Ты ела что-нибудь сегодня?

– Я? Да! Конечно ела! – мать врет с самым искренним выражением на лице.

– Садись, сейчас что-нибудь приготовлю. Кошку уже накормил, – без капли укора или, не дай бог, критики произносит Кристиан.

– Это не моя кошка, вообще-то. Я не обязана... Отца давно видел?

Мать выдвигает ящики, находит пачку сигарет, прокручивает и прокручивает колесико зажигалки, трясет рукой, злится.

Кристиан накрывает ладонью ее руки и забирает сигареты:

– Хоть при мне не кури. Ты знаешь, я не выношу.

Кристиан ставит в микроволновку разогреться готовый тыквенный суп с имбирем, бьет яйца в миску на омлет, обжаривает бекон и хлеб. Кухню заволакивают аппетитные ароматы. Он готовит, рассказывает матери забавные истории, отчасти придуманные, отчасти прочитанные, отчасти подсмотренные; она как ребенок увлеченно слушает, не замечая, как поглощает одно

блюдо за другим. И только когда он ставит перед ней ароматный, по всем правилам заваренный листовой чай, она откидывается на спинку стула и кладет руку на наполненный доверху живот:

– Больше не могу.

И он сам приступает к еде, торопясь и не чувствуя вкуса, ведь все дальнейшее ему хорошо известно.

– Так ты не ответил про отца, Кристиан.

– Давно не видел, с лета. Ничего не изменилось. На прошлой неделе разговаривали. Всё хорошо у него – работу работает.

– Ага, знаю я его работу... Вы помирились?

– Говорю же, ничего не изменилось, я продолжаю не оправдывать его ожиданий. Просто мы соблюдаем приличия.

– Ладно. Как учеба? Скоро уже защита диплома?

– Всё по плану. Диплом в конце учебного года, я же сто раз уже говорил.

– Ага, да. Послушай, я тут подумала: может, потом рванем куда-нибудь вдвоем в отпуск? Что-нибудь такое экзотическое-экзотическое – мне надо свежих впечатлений! – Мать размахивает руками и алеет пятнами возбуждения на щеках. Хотя, возможно, это имбирь в горячем супе греет ее худенькое тело.

– Мам, ты вообще в курсе, что везде карантин и сообщение с островом закрыто?

Кристиан не стал пить свой остывший чай, начал загружать посудомоечную машину. Время поджимает, а хотелось до «взрыва» успеть вывести мать на улицу.

– Точно, как я могла забыть, ведь твой отец – автор всех этих ограничений! Но это же закончится когда-нибудь! Пообещай мне, что как только это станет возможным, ты поедешь со мной в путешествие! – Мать капризно, словно маленькая девочка, надувает губы.

– Конечно, мама. Ты только хорошенько разработаешь маршрут и составь план экскурсий. – Кристиан уже отсортировал мусор и увязал мешки. – Поможешь мне донести это всё до мусорных баков? Боюсь, у меня рук не хватит.

– Ты что, уже уходишь?! И не посидишь с матерью?! Не пойду никуда! – Мать опять потянулась за сигаретами.

– Мам, ну ты чего? У меня же учеба, ты знаешь... – Кристиан изображает тон милого умненького мальчика.

– Учеба... Почему ты мне ничего не рассказываешь о своей девушке? Ты же у нее живешь, да? – Это еще одна тема, которую мать поддерживает с живым интересом.

– Естественно, где же мне еще жить? Она такая зубрилка, мама. – Кристиан сочиняет на ходу. Ему кажется, что для матери мысль о предпочтении одиночества в бабушкиной квартире ее обществу будет невыносима. – Тебе бы она не понравилась, я думаю. Но ты же понимаешь, что сейчас, когда надо максимально сосредоточиться на учебе, это самый подходящий вариант...

– Ну, как знаешь. Мог бы уже и познакомить мать... Хотя если это всё так, как ты говоришь... Смотри только, чтоб не вышло никаких неожиданностей, а то потом расхлебывать...

– Ма-ам! – Кристиан передергивает плечами.

– Ладно-ладно, взрослый сын. Но пока ты не получил диплом, ты всё еще наш мальчик, ты же не будешь спорить с мамой? – Игривость матери так же неуместна, как и напускная детскость.

– Я не спорю. Одеваемся, идем?

И без лишних разговоров они выходят на улицу.

Он не дает ей опомниться после борьбы с крышками мусорных баков на ветру и ведет знакомиться со своим новым велосипедом.

– Смотри, мам, какой красавчик! – Кристиан любовно проводит рукой по новенькой блестящей раме.

- Отец подарил? – ревностно спрашивает мать, хмуря аккуратные брови.
- Папа перевел деньги, как обычно. Ну как? Крутой?
- Дашь прокатиться? – Мать уже тянет молнию пухового пальто снизу-вверх.
- Конечно, но он выставлен под мой рост – тебе будет неудобно.

Кристиан придерживает велосипед, пока родительница взбирается на него в своей громоздкой одежде. Усевшись, она проезжает несколько метров вдоль набережной, заваливается набок и оглядывается на него:

- Фу! Зачем ты выбрал такой руль?
- Ма, мне так удобно. Давай купим тебе велосипед? Будешь кататься, в нашем районе шикарные дорожки – чего одна набережная стоит!

Кристиан катит велосипед, они двигаются вдоль берега, обходя лужи.

- А ты будешь ко мне приезжать и кататься вместе со мной?

– Ну, мам...

– Вот и не надо. Мне одной скучно. Так что ты скажешь о моей последней книге? Как тебе завязка, сюжет? Я еще не до конца вижу, чем все закончится, но мне кажется, это уж точно получится бестселлер! – Раскраснелась на ветру, глаза горят фанатичным огнем.

– Бомбически, мам! Прямо захватывает и не отпускает! Какой красочный метафоричный язык!

– Ты серьезно? – Мать снимает капюшон, отводит выбившиеся волосы от лица, снимает ослабевшую резинку и стягивает шевелюру в тугий хвост, с подозрением всматриваясь в лицо сына. – Как зовут главного героя?

– Лоренцо.

– Где происходят события?

– В Риме. Что за проверки с пристрастием? – Кристиан пытается превратить всё в шутку и судорожно сообщает, на что перевести разговор.

– Скажи-ка, правда, мне невероятно удалась глава в музее? Я так прочувствовала каждого героя! А перед каким экспонатом разворачивается сцена? Это ключевой момент всего произведения, ты не мог не обратить на него внимания...

Мать идет рядом, сосредоточенно глядясь в линию приборя.

– М-м-м...

– Яс-с-сно. Это – отношение!

– Мама, только не начинай.

– Нет, ну а чего я хотела? Ты не можешь даже прочитать то, что я пишу! Ты же суперважно занят! И кто я такая, чтоб тратить на меня свое драгоценное время!..

– Мама...

– Так, всё.

Мать поднимает обе руки ладонями вверх, отступает назад, разворачивается и уходит, не прощаясь.

Сцена разыграна как по нотам. Кристиан знает наперед каждую реплику, каждый жест. Он специально занимает положение, в котором мать, покидая его в гневе, будет вынуждена двигаться прочь от дома, к дальнему краю набережной.

Кристиан садится на велосипед, едет в обратную сторону, объезжает по кругу несколько кварталов и, выехав к спортивной площадке перед волнорезом, прячется за металлической инсталляцией. Размашистым шагом мать приближается, ничего не замечая вокруг. Подходит к турнику, подпрыгивает, виснет, разминая плечи и шею. «Подтянись», – мысленно командует Кристиан, но телепатическая связь между ними давно разорвана. Приземлившись на обе ноги, родительница направляется вдоль огромных валунов по спине волнореза. Порывистый ветер толкает и мнет шар объёмного пальто, грозя унести в открытое море легкую фигурку. Кристиан подается вперед, изголавливаясь к рывку, но упреждающий плевок волны окатывает стропти-

вую женщину, вынуждая повернуть назад. Она отряхивает воду с непромокаемой ткани, отирает руки о сухую часть брюк, приближается к турнику и опять хватается за перекладину. Делает два натужных подтягивания, на третьем сдается и бежит легким шагом по направлению к дому. Вот так, только когда сама решила.

Кристиан провожает ее взглядом и уезжает восвояси. Выгулял маму.

6

Февраль не обещает милости, не грозит предсказуемостью – бросает, порой неожиданно, как подарки, солнечные погожие деньки в безрадостную дождливую топь. В такие дни серые небесные занавеси будто раздвигаются и оголяют результат неприглядной работы печного отопления. Светлые фасады городских зданий и частных красочных домиков покрыты грязными потёками размытой дождями копоти. В безветренные пасмурные дни, когда небо нависает над островом облачной шапкой, хлопья сажи, сцепленные тяжестью влажного воздуха, не в силах подняться выше деревьев, летают и оседают повсюду, оставляя мелкие угольные штрихи даже на лицах и одежде. Неряшливый макияж последнего месяца зимы не может испортить острый вкус повсеместно проступающей свежей зелени, он доносится отовсюду, заставляя оглядываться, улавливать и различать трепещущими крыльями носа тончайшие ароматы; пробуждает радостное ожидание и наполняет волнением сердце.

Профессор Герхардт, чувствуя, что уж точно переживет еще одну зиму, понемногу возвращается к своим обязанностям: принимает на дому дипломников, консультирует преподавателя на замене, немного скандалит с деканатом и продолжает изводить ректора фактором неопределенности своего существования. В условиях пандемии, при полной изоляции острова, укомплектовать штат института удалось с большим трудом – каждая единица ученого коллектива была на вес золота. Старенький профессор наслаждался этой безысходностью, охватившей учебное заведение и так вовремя обеспечившей ему востребованность. Ведь некоторые, особенно шустрые и спорые, давно спят и видят, как бы поскорее отправить его на заслуженный отдых. Э нет, не дождетесь!

Сегодня Стефания с самого утра чувствовала себя не очень хорошо, но, не привыкшая к недомоганию и поблажкам самой себе, отправилась на занятия.

Кристиан, как обычно, в полной мере использовал свои предпочтения – наблюдал учебный процесс из окна бабушкиной квартиры. Заняв ее излюбленный наблюдательный пункт – на канаве у окна, – он между делом следил за молодой преподавательницей. Ему и в голову не приходило стыдиться привычки, перенятой у родного человека. Момент падения он не увидел, но когда студенты сорвались со своих мест, бестолково заметались по аудитории, обращая друг к другу растерянные лица, и сгрудились над кем-то у проектора, он в несколько стремительных движений оказался рядом с ними. Всё, что произошло потом, случилось по наитию... и долго еще будет в равной мере будоражить воображение как праздных, так и неравнодушных, порождая слухи и домыслы.

– Где я? – Стефания выныривает из горячечного забытья, обводит мутными глазами комнату.

– Это квартира моей бабушки. Я вызову врача. – Кристиан не знает другого правильного действия в сложившейся ситуации.

– Нет! – Стефания резко поднимается, закатывает глаза и тряпичной куклой повисает на его руках.

Кристиан бережно опускает безвольное тело на диван, чувствуя его жар через мягкую шерсть джемпера. Кажется, что холодный воздух комнаты раскаляется от внутреннего огня, пожирающего хрупкое существо. Надо что-то делать, и молодой человек задумчиво перебирает аптечные пузырьки в комодной пожитой родственницы. Почти все препараты просрочены, их названия ровным счетом ни о чем не говорят.

– Это отец! Не отдавайте меня ему! Позови Марту... мне нужна Марта...

– Кто это? – Кристиан приближает лицо к спекшимся корками губам Стефании, пытаясь уловить логику в обрывках фраз.

– Она знает... Марта поможет...

Кристиан активирует телефон преподавательницы, приложив большой палец ее правой руки к датчику считывания. Находит в списке контактов имя «Марта» и, сделав глубокий вдох, звонит. Долгие гудки прерываются хриплым голосом разбуженного человека. Кто же спит в такое неурочное время?

– Марта? Простите. Я – Кристиан, студент Стефании. Ей стало плохо, и она попросила связаться с вами...

В ответ раздаются громкие шорохи, неспособные перекрыть приглушенную ругань.

– Спасибо, молодой человек. Стефания – моя племянница. Вы правильно сделали, позвонив мне. Где вы находитесь и что с ней? – Голос не меняется, остается таким же тяжелым и хриплым. Тоже больна?

– Дом моей родственницы прямо напротив здания института. Стефания потеряла сознание, а когда пришла в себя, запретила вызывать «скорую помощь». Я счел разумным отвести ее сюда. У нее температура...

Кристиан озвучивал свое моментально принятое решение, и уверенность в его разумности столь же стремительно улетучивалась. Недоумение на лицах однокурсников, предложения обратиться за помощью в деканат... Он действовал с таким напором, что никто не посмел его остановить.

– Гм... – произнесла Марта. – Может быть, это к лучшему. А может быть, и нет. Ладно. Я знаю, что с ней. Попроси аспиринов... Ты же не один дома?

– Один, к моему сожалению. То есть мы тут со Стефанией.

– Черт! Слушай внимательно. Найди аспирин или беги сейчас же в аптеку...

– Есть аспирин.

Как он мог забыть такую простую вещь, как аспирин? В ящике лежало несколько упаковок жаропонижающего.

– Есть жидкая форма?

– Нет, таблетки.

– Налей воды в стакан, растолкай Стефанию и приподними ее, не стесняйся – так надо. Вложи в рот таблетку и дай запить. Делай, я подожду.

– Готово. – По пушистому джемперу Стефании серебристыми струйками разбегалась пролитая вода. Кристиан не решался вытереть или стряхнуть ее. – Мне кажется, она не понимает, что происходит, она не в себе.

– У нее всего лишь жар, но она не больна. Ты боишься? Поверь, она не больна, не заразна. – Марта вкладывает в голос всю доступную ей силу убеждения.

– Я не боюсь. Точнее, боюсь, но лишь не помочь человеку так, как надо. Почему я не могу пригласить врача?

– Кристиан... Я не ошибаюсь, тебя ведь так зовут? Я тоже не совсем в порядке – могу перепутать.

– Да.

– Я не знаю тебя, Кристиан. И я не знаю, что будет большей ошибкой: сказать тебе всё как есть, соврать или ничего не сказать. Завтра-послезавтра Стефания сама тебе всё объяснит так, как сочтет нужным. Ты можешь подождать и до тех пор никому ничего не рассказывать?

– Могу.

Кристиану не очень нравился этот разговор, но он нуждался в помощи и сдерживал свое раздражение. При его опыте общения с женщинами это было несложно.

– Спасибо. Правда. Скажи, в квартире тепло?

– Не очень. Здесь тепло только от камина, а я сегодня еще не топил.

– Есть чем топить? Не экономь, я пришлю тебе потом всё – уголь, дрова... что скажешь.

– У меня есть. У нас всё хорошо.

– Ладно. Пожалуйста, затопи камин. Лекарство скоро подействует. Стефания начнет очень сильно потеть. Найди, пожалуйста, что-то из натуральных тканей – футболки, рубашки... Лучше всего фланель. Как только она начнет приходить в себя, предложи ей переодеться в сухое и дай попить. Ей надо много пить – вода, сок, что есть. Пожалуйста. Напиши мне свой адрес. Где-то через два часа я пришлю машину, она будет стоять под домом. Как только Стефания сможет встать и идти, набери меня, я попрошу водителя подняться. Если что-то будет не так – что угодно, – позвони мне, хорошо?

– Я всё сделаю, не переживайте.

Кристиан получил инструкции и словно протрезвел – он вспомнил, как болел в детстве, как бабушка с мамой хлопотали над ним. Намочил под краном чистое полотенце, протер горячий лоб и кисти рук Стефании. Вынул из холодильника пакет апельсинового сока, налил в стакан и оставил греться неподалеку от каминного огня. Открыл бабушкин шкаф с одеждой, нерешительно тронул стопки чистого белья и закрыл дверцу. Нет. Порылся в своей дорожной сумке, нашел там все необходимое – и рубахи, и футболки. Сел ждать.

Сначала Стефания разжала кулаки, затем лоб ее покрылся испариной, светлые пряди волос у лица и шеи потемнели, смоченные потом. Спустя еще некоторое время она откинула плед, потянула вниз свитер, насквозь мокрый у ворота, на спине, на груди, и села, словно сомнамбула. Кристиан предложил футболку. Стефания слабыми, медленными движениями стянула мокрую одежду. Кристиан отвел взгляд. Он имел небольшой опыт ухода за бабушкой, когда та сломала руку. Отказавшись от помощи нелюбимой невестки, выгнав очередную сиделку, она – гордая – благосклонно приняла помощь своего единственного и обожаемого внука. Тогда он научился не смотреть, не замечать, оказываться уместным, полезным и ненавязчивым. Футболка осталась нетронутой. Он расправил ее над безвольно поникшими плечами, продел поочередно голову и руки, накинул огромную рубаху сверху, бережно прислонил мягкую фигурку к спинке дивана и поднес к пересохшим губам стакан сока. Пила сначала неохотно, потом жадно – всё до дна. Свернулась калачиком. Перед тем как провалиться в сон, пробормотала:

– Отцу ничего не говори.

Кристиан устроился на полу возле ее ног и задумчиво смотрел на танцующие за каминной решеткой веселые языки пламени, ставшие единственным источником света в стремительно опустившейся темени короткого зимнего дня. Впервые он привел женщину в этот дом. Тонкая кисть свисает с дивана, щеки розовеют в отблесках огня, голубая жилка пульсирует на виске, дрожат длинные ресницы – нежная, чужая, беззащитная.

То и дело на экране телефона Стефании высвечиваются оповещения о звонках и сообщениях: Маша, Лариса, Лариса, Маша, Маша, Маша... Только когда поступил вызов от абонента Марта, Кристиан ответил.

– Как она? – тяжело просипела женщина.

– Температура, кажется, нормализовалась. Она спит.

– Послушай, уже поздно. Домашние начинают беспокоиться – у нее маленькая дочка, безответственное поведение не в традициях нашей семьи. Я пока не вмешиваюсь, всё еще можно списать на рабочие моменты. Постарайся ее разбудить. Машина стоит у подъезда, водитель готов подняться. Перезвоню через десять минут.

– Ок.

Как он должен ее будить? Встал, походил по комнате, завел старый бабушкин проигрыватель, поставил тихую блюзовую музыку. В вечер, окрашенный живым огнем, добавилась нотка ванили. Хотелось нагнуться, коснуться губами уголка рта и испуганно распахнутым глазам ответить безвинной улыбкой. Но где-то там маленькая девочка ждет свою пропавшую маму...

– Стефания! Стефания, просыпайтесь! – позвал он решительно, полный жалости и сожаления.

Она села одним движением, как заснувший на посту солдат перед командиром. Прижала ладони к лицу, застыла на мгновение, пригладила волосы, знакомым материнским жестом пересобрала хвост. Посмотрела на Кристиана ясными, блестящими глазами:

– Мне надо домой!

Тут же зазвонил телефон, и – ветром ли, вихрем ли – гостью унесло. На диванной подушке осталась вмятина с пряным ароматом женских волос, на краю тумбы в ванной комнате – аккуратная стопка снятой одежды.

7

Она придет не через день, не через два – спустя долгую и пустую неделю, мелькая в положенные часы в окнах Герхардовой аудитории. Оживленная и энергичная, она ни разу не обернется к окну посмотреть, смотрит ли он на нее. И только в день своего визита, по окончании пар, Стефания окинет взглядом опустевшую аудиторию, переведет взгляд вверх, к нему, уверенная в его присутствии, покажет жестами: я иду. Сердце Кристиана сразу подпрыгнет и кувыркнется, как скакун, не взявший препятствие. И он замечется, сгребая в мойку кофейные чашки, взбивая диванные подушки, на которых провел дни, полные неназванного ожидания.

Она не успеет поднести руку к звонку, как он распахнет перед ней дверь, делая шаг в глубь прихожей, отступая всё дальше, уступая инерции ее движения, заданной стремительным преодолением нескольких лестничных пролетов. И где-то на подступах к гостиной, в узком коридоре, под галереей семейных снимков, она вlepит ему звонкую пощечину. Долгим взглядом посмотрит в глаза. Готовая к агрессии, злости, возмущению, она встретит лишь недоумение, которое легкой рябью исказит его лицо. Вскинет голову, отвернется, войдет в яркий дневной свет комнаты, осмотрится и присядет на диван, аристократично скрестив щиколотки и запястья, держа королевскую осанку. Кивнет головой – что же ты? Он пройдет следом, присядет напротив в маленькое неудобное кресло с гнутыми ножками, такой же прямой и очень спокойный. Казалось, смолкли последние такты танго и танцоры замерли в ожидании следующего вступления. Вальс или фокстрот – что предусмотрено для них европейской программой далее? Пока этим дуэтом управляет чопорная сдержанность – ритмы латины звучат в другом зале.

Семь дней назад, опираясь на плечо присланного Мартой водителя, Стефания покинула эту квартиру настолько стремительно, насколько позволяло болезненное состояние. По дороге к приютившему ее с дочерью дому она обсудила сложившуюся ситуацию с теткой. Две рационально организованные женщины решили сделать вид, что ровным счетом ничего не произошло: для домашних она переждала недомогание в деканате, для институтской среды был выбран режим любезного игнорирования. Еще ни одной женщине не удалось выйти из уединения с мужчиной, не запятнав своей репутации в глазах охочего до сенсации общества. Так стоит ли утруждать себя объяснениями?

Дом встретил детским плачем, перегретым воздухом, запахами травяных настоев и уксуса. Лариса бросила встревоженно-укоризненный взгляд: ты как? почему не звонила? – и умчалась наверх со стаканами морса в руках. Прокопий с глазами большой собаки качал на коленях хнычущую, извивающуюся Ханну. Макар, лежа на ковре перед камином, пытался перекатами размять прихватившую спину. Повернул к ней голову: ну, мать, выручай, старая гвардия сдулась.

Стефания сняла обувь, повесила пальто, вымыла руки и забрала свою капризную девочку у измочаленных дедов. Ханна продолжила извиваться и у нее на руках, требуя опустить на пол и водить туда и сюда от рассвета до заката. Ребенка невозможно было отвлечь ни игрушками, ни вкусностями. Даже добившись желаемого, она всё равно продолжала ныть. Недомогание, пусть и в легкой форме, мучило малышку, как и прочих в доме, получивших вакцину.

В то время как весь мир напряженно ожидал завершения испытаний вакцины от «вируса сна», Марте каким-то немислимим образом удалось раздобыть ампулу антивирусного препарата. Стефания была уверена, что это «передача» от отца. Марта, многозначительно помалкивая, не разрушала красивой иллюзии племянницы. Одна ампула содержала пять доз. Почти без споров было принято решение: если Марта хорошо перенесет препарат, следом будут привиты дети и их мамы. После вакцинации все чувствовали себя хорошо, и утро следующего дня началось в штатном режиме. Стефания уехала на занятия в институт, где ее и настигла острая температурная реакция. Маша с Яном точно так же слегли с жаром, но они были дома,

в окружении любящих заботливых людей. Лариса не отходила от них на протяжении всего дня. Ханна, оказавшись самой стойкой, весь свой внутренний дискомфорт в полной мере вылила на Макара с Прокопием. Упитанная маленькая девочка, которой пришел срок научиться ходить, оказалась не по зубам дедам – ни дряхлеющему, ни цветущему, – в один день обеспечив им приступы давления и радикулита, которые они разделили поровну, по справедливости.

Так где же ты так долго была? – хотелось им узнать у Стефании. На работе, ответила она, и – слабая, аккуратно, вдоль стеночки, с ребенком на руках – поднялась к себе в комнату.

Ближе к ночи Мария почувствовала в себе достаточно сил и зашла к ним рассказать, как тяжело пришлось ей, сколько страха пережили они за Яна, у которого так и не сбивается температура, как безобразно вела себя Ханна и что Стефания уж в такой-то день точно могла остаться дома. Стефания выслушала ее с ангельским терпением и преувеличенным сочувствием, безропотно предоставив дочери возможность накручивать на липкие пальчики пряди своих распущенных волос.

– Маша! Маша, ты где? – позвала Лариса.

Оставшись одна, Стефания позвонит Марте. Той, которой научена была пренебрегать и ближе которой у нее никого не оказалось.

– Марта, давай будем жить отдельно, вместе, – без предварительного вступления предложит она тетке.

Тетка опешит, разволнуется, сошлется на плохое самочувствие и прочие непреодолимые препятствия неясной этимологии. От такой невнятности и неготовности Марты сиюминутно служить интересам племянницы та потеряет последнюю опору под ногами и проведет остаток вечера в рыданиях.

Этот день, всем давшийся нелегко, перешел в непростую ночь.

Марта, надломленная своим вынужденным отказом, трое суток проведет в температурном бреду, обложившись пластиковыми бутылками с горячей водой в холодном крыле для прислуги. Ян не уступит ей пальму первенства в мощи ответа на прививку: доведя всех до полного отчаяния, на четвертые сутки проснется бледным, но абсолютно здоровым мальчиком. Стефания отменит пары и все эти дни проведет с Ханной, стараясь никому не доставлять дополнительных хлопот своим существованием. Она подумает о многом, многому в жизни даст названия, уверится в собственном исключительном одиночестве и, полная чувства ответственности за свою судьбу и будущее дочери, нарастившая еще один слой стали на внутренний стержень, оденется в отчуждение. Только когда сойдет общее напряжение и Лариса с недоумением спросит: «Стефания, почему ты не ходишь на работу? Ты что, уволилась?», она вырвется из душного дома.

В институте ей будут несказанно рады, деканат подкинет еще пару академических часов, студенты заразят беззаботной жадой жизни. Влажный свежий воздух улиц омоет осунувшееся лицо, быстрая ходьба разгонит печальную скованность тела. Каждый день, вырываясь на работу, она станет всё острее и острее осознавать, как обыденные свидетельства собственной значимости и причастности способны изменить самоощущение человека.

И только Агния, полноватая студентка профессорского курса, своей неприкрытой неприязнью и комментариями сомнительного толка будет напоминать Стефании о случившемся конфузе, если позволительно так назвать произошедший инцидент. Внимательно отследив настойчивые взгляды неприятельницы, Стефания обнаружит знакомый профиль в окне напротив.

Этажом выше, сидя на широком подоконнике, Кристиан склоняется над книгой или экраном ноутбука. Вот он поворачивает голову и безо всякого труда заглядывает в аудиторию. Стефания резко отворачивается, отходит в глубь помещения и впредь стремится не подходить близко к окну. Как она до сих пор не сложила два и два, ведь даже если она не помнит, как очутилась в квартире Кристиана, покидала она ее в ясном сознании? Наконец ей становится невыносима мысль о постоянном соглядатае; она дожидается окончания пар и подает Кристи-

ану знак. И вот она здесь. Больше всего ей хочется посмотреть в окно, но она сдерживает себя, изображая моральное превосходство.

– Что ты можешь мне сказать? – спрашивает она высокомерно.

– О чем? О пощечине? Наверное, я ее заслужил.

Кристиан изучает Стефанию. Пощечина, будто случившийся первый физический контакт, избавила его от неловкости перед преподавательницей. Стефания же, наоборот, ощущала всё большую нервозность.

– Ты поставил меня в неоднозначное положение. Ты, в конце концов, видел меня раздетой!

– Я не смотрел, лишь подал одежду. Сожалею, что стал причиной вашей неловкости, но иного решения мне в голову не пришло.

– В голову ему не пришло... – Стефания поднимается с дивана, подходит к окну и любуется строгим порядком недавно покинутой аудитории. – Значит, это твой наблюдательный пункт?

– Вы сейчас стоите как в витрине. Давайте ее погасим, – произносит Кристиан, выключает свет и становится у нее за спиной. – Это любимая обзорная точка моей бабушки – кватирка ведь ее. Вот, смотрите. – Кристиан берет с этажерки театральный бинокль и протягивает Стефании. – Лучшие места на балконе театра.

Она пробегает глазами по окнам института; в подсвеченных рамах двигаются и замирают маленькие фигурки – кукольный домик.

– Это не странно – такое времяпрепровождение? – Стефания возвращает бинокль, но не торопится переменить положение тела. Дыхание Кристиана касается ее волос, и она вспоминает, что очень, до головокружения, молода. – Сколько тебе лет?

– Двадцать пять.

– И мне. Но как? Почему ты всё еще студент?

– Это долгая история. А как вы стали преподавателем в таком молодом возрасте?

– Будет обидным иметь более короткую историю, тебе не кажется? – Стефания смеется. – Да ладно. Рано в школу пошла, экстерном пару классов сдала, раньше сверстников закончила учебу. Ничего особенного. А ты что, второгодник?

– Не совсем. Под давлением отца поступил на юридический, не закончил, перевелся на филфак. Здесь мне всё знакомо. Посмотрите на эту комнату – практически в ней я и вырос. Все эти книги мною прочитаны, пристально разобраны и проанализированы под кураторством профессора Герхардта – он старинный друг бабушки, подозреваю, что и поклонник. Это с ним она в окошко пересматривалась. Диплом я написал еще год назад, но на защиту не подал.

– Почему? – Стефания проходит мимо книжных полок, касается пальцами переплетов. – Почему бы не покончить поскорее с учебой, не работать, не жить самостоятельно?

– Я занимаюсь переводом художественной литературы и получаю гонорары. Мне кажется, это работа. Живу тоже вроде бы сам. Простите мне мои манеры, бабушка бы не одобрила. Хотите чаю? Или даже, быть может, вина?

– О, нет. Мне пора. Я хотела попросить нигде и никому не рассказывать, что я здесь была. Ни сейчас, ни ранее. Это возможно?

– Да, без проблем. – Кристиан включает проигрыватель, и в темной комнате звучит уже знакомая Стефании блюзовая композиция. – Вы любите музыку?

– Не знаю. Может быть. Проводи меня.

Где тот момент, когда мужчина и женщина оказываются обречены быть друг с другом? Что превращает каждое их действие в шаг к неизбежному? Химия, физика, стрела амура, неумолимость рока? Кто-то с нескладной личной историей скажет – распушенность. Молодость – вздохнет пожилой сентиментальный добряк. Зов природы – припечатает утративший веру циник. Любовь – пропоют счастливые.

Стефания чувствовала себя беспричинно счастливой и безвинно виноватой. Всё происходящее было очень неловко, против воли наполнялось чувственностью и выглядело глупо со всех сторон.

– Давай перейдем на «ты», – вместо «прощай» произнесла в дверях Стефания. – Я не твой преподаватель.

– Да.

Кристиан не схватит ее в объятия, не вопьется жадными губами в алые уста, как потребовал бы жанр кино. Он останется стоять на пороге, слушая гулкий стук каблучков по лестнице, как об этом рассказывают в книгах. В хороших книгах. В плохих – у авторов, пишущих на самых разных языках, – истинная женщина представлена неуправляемой стихией: ее несет. Кристиан прочитал достаточно и умел ждать. Но ждать в правильном месте.

8

Имя Марты преследовало ее, вызывая непростые тяжелые чувства. Марта пригласила Макара работать в дом к своему нанимателю и обеспечила семейству приличный доход. Марта помогла Джине в реализации самых смелых амбиций – скоро на горизонте городской администрации засияет новая звезда. Марта раздобыла очередную единичную дозу контрабандной вакцины и уколола ею Макара – якобы тот в нужный момент оказался рядом. Хозяйка Марты установила в институте тренажеры, подключенные к генератору. Это обеспечило здание собственным источником электроэнергии, что позволило поставить в архиве и библиотеке тепловые пушки – не только сохранен книжный фонд, но и студенты с преподавателями обрели теплое помещение. Бронировать место в читальном зале приходится за несколько дней, а то и за неделю, как в пафосном ресторане перед праздничными днями.

Марта, Марта, Марта... Марта, которая отказала Стефании в единственной и такой важной для молодой женщины просьбе – быть вместе, быть семьей, объединиться с целью выживания на чужбине, среди эгоистичных людей. Но тетка предпочла служить чужим интересам, решать посторонние проблемы, поднимать уровень жизни и комфорта и без того отлично устроившихся граждан... А ведь только благодаря существованию младенца Ханны Марта получила билет в «чистую зону» – всеми правдами и неправдами отец выбил возможность покинуть зараженную территорию третьему члену семьи; сам он остался биться над созданием вакцины. Впрочем, безуспешно. Как обычно, ее гениальный отец, генерирующий выдающиеся идеи, ничего не способен довести до практически успешного результата. И теперь, исчерпав ресурсы и доверие института, он был переведен на новый проект, а они – Стефания, Ханна и Марта – остались без дотаций государства, вынуждены заботиться о себе самостоятельно. Стефанию с Ханной приютил одинокий грек Прокопий. Марта от приглашения отказалась и устроилась служить экономкой на виллу одного из самых богатых людей острова – владельца виноградников, известного винодела Людовика. Очевидно, деньги и сознание собственной значимости (это же надо, добиться таких высот!) вскружили Марте голову, и она позабыла, кому всем обязана.

«Ненавижу. Ненавижу», – эхом жгучей обиды отзывалось в Стефании имя родственницы. Оно лезло и лезло со всех сторон. Последней каплей стал звонок Тимура. Нет, неправда, это была не капля, а звонкая точка: ворота в царство семейных ценностей и моральных скреп лязгнули холодным металлом и захлопнулись. Что же случилось? Как будто бы и ничего... Просто муж сообщил, что закончил сотрудничество с ее отцом, переходит в другой институт и даже уезжает в другую страну. И еще что он считает естественным в сложившейся ситуации «поставить на паузу их брак», но от финансового обеспечения дочери не отказывается...

Стефания слушала голос своего единственного мужчины из глубины колодца оцепенения, забыв сделать очередной вдох, глядя стеклянными глазами в чернеющую пустоту. А напоследок – у него еще было припасено «напоследок»! – Тимур решил рассказать обо всех тяготах научной судьбы под руководством неудачника. И между делом, отрицая всякую собственную ответственность, он рассказал о тех экспериментах, которые проводились над телом спящей матери Стефании:

– А теперь он пытается опробовать на ней препараты, которые должны выводить зараженных «вирусом сна» из комы. Здесь я сломался и сказал «стоп».

Тимур выдержал театральную паузу, ожидая то ли признания своего героизма, то ли бурных аплодисментов.

– Что же так? – апатично подала реплику оглушенная Стефания.

– Ты понимаешь, они все просыпаются в состоянии разной степени неадекватности. Никто не встал и не вернулся в себя таким, каким заснул. Все ткани месяцами спящего

человека подвергаются дегенеративным изменениям. Если за телом мы умеем более-менее ухаживать, поддерживать его функциональность, то процессы, протекающие в мозгу, нам недоступны. Самостоятельный выход из сна происходит, по всей видимости, более плавно: взаимосвязанные системы человека синхронно подготавливают этот момент, дальнейшее восстановление протекает в силу запущенной организмом инерции. Принудительное, медикаментозное пробуждение является дополнительным и очень мощным стрессом, и последствия в ряде случаев пагубны и необратимы. Большинство искусственно выведенных из сна никогда не сможет вернуться к нормальной жизни. Я же настаивал на импульсных воздействиях непосредственно на мозг спящего, это несколько иная область исследований, и твой отец не поддержал мои идеи.

– И ты смылся.

– Что?

– Ты бросил ее, мою маму, и смылся.

– А что, я должен был выкрасть ее тело? Ты это предлагаешь? Да я вообще не должен перед тобой отчитываться!

– Конечно же нет. Ты – трус, приспособленец и подонок.

– А ты – избалованная девчонка, ни на что не способная, на всем готовом всю жизнь...

Стефания нажала отбой, убрала телефон на дно большой сумки и вышла из учебного корпуса в ранние сумерки. Сегодня весь день в воздухе стояла серая пелена – солнце, горевшее несколько дней, выключили. Дождь, такой зримый из окна, оказался призраком – не достигающая земли, не пятная ни луж, ни одежд, он покусывал скулы холодными иголочками в порывах уличных сквозняков. На подушке воздушной волны принесло плотные, вкусные запахи мокрых свежих листьев вперемешку с рыбным душиком преющих водорослей – море отдыхает после шторма. Она решила прогуляться, отменила заказанное такси и свернула на боковую улочку. Всё мокрое. Свет, проникающий из человеческих жилищ редкими бледными пятнами, плющится на брусчатке. Окна Кристиана темны и пусты. Где он и что делает, когда не здесь, когда не смотрит на нее?

Темнеет всё позже. А ведь совсем скоро весна! Она и не заметила. Она ничего не заметила, даже того, как сквозь боль отчаянного бессилия помочь матери острым клювиком, будто первый крупный лист из плотного бутона магнолии, пробивается новое чувство. «Я свободна!» – порхало неприметным мотыльком над оборванной историей брака. Хотелось свернуться клубочком вокруг этой теплой пульсирующей точки и впасть в сладкое безответственное забытие: «Меня нет». И всё же она стремительно продвигается по темнеющим улицам, желая оказаться хоть во временном, но доме и обнять дочь – единственного своего человека на всей Земле, навеки ее человека.

Ханна, обладая не только умильной внешностью, но и легкой, светлой натурой, купается во всеобщей любви и обожании – балованное жизнерадостное дитя. Стефания с легким сердцем оставляет ребенка с любящими, заботливыми людьми, но себя в этом доме чувствует чужеродным телом.

– Где мама? Мама пришла. Иди, иди, иди к маме. Маленькими ножками топ-топ, топ-топ. – Лариса чуть придерживает Ханну за кофточку на спине. – Стеша, смотри, мы уже сами ходим!

Ханна видит маму, смеется, показывая мелкие жемчужные зубки. Покачиваясь, вырывается вперед, делает несколько неуверенных шагов, пугается, останавливается, озирается. К ней тут же подходит Лида и подставляет свою лоснящуюся спинку. Ханна опирается о подружку и смело шагает в мамины распахнутые руки.

– Ура! – восклицает Лариса.

– Ура! – вторит ей Прокопий.

– Ура-ура-ура-ура! – поет Ян и тоже обнимает Ханну.

Лиля присоединяется к объятиям.

– Пока мама работала, ребенок пошел. Ура! – Маша выглядывает из кухни, помахивая разделочным ножом, как дирижерской палочкой. – Теперь мне кто-нибудь поможет готовить ужин?

– Стеш, берешь Ханну? – Лариса помогает Стефании убрать верхнюю одежду. – Макар сегодня весь день на вилле – работы в господской библиотеке непочатый край.

– Да, конечно.

Стефания держит дочь за ручку, они медленно идут за Ларисой. Ян придерживает Ханну за локоток – юный кавалер. Лиля трусит рядом – мало ли, бросят опять ребенка одного.

– Девочки, я подумала, что могу уже снять квартиру недалеко от института и приглашать няню, когда у меня пары. – Стефания не успела продумать эту мысль до конца и услышала лёгкую вопросительность в собственном голосе. – А то ведь правда бросила ребенка на вас...

– Что за разговоры?! – У Ларисы моментально покраснели от возмущения щеки. – Как только додумалась до такого! Нашу девочку, нашу сладкую конфету, няньке отдать! Никогда!

– Лар, у нас есть молоко на пюре или просто отварную подадим? – Машка невозмутимо чистит картошку.

– На дверце стояли же два пакета. – Лариса проверяет содержимое холодильника. – Да, вот они. Стеша, чайку выпьешь пока? Я печенье испекла.

– Нет, спасибо, я поднимусь в комнату. Или помочь вам?

– Ой, да что ты! Тут дел-то...

Лариса разрезает очищенный картофель и укладывает его в кастрюлю с водой.

Стефания выводит Ханну из кухни, за ними следом увязываются Ян с Лилой. Ханна не дает увести себя наверх – они все располагаются на ковре перед еле тлеющим камином. Прокопий в очках с толстыми линзами читает старый справочник, поглядывая на них поверх роговой оправы.

– Я слышал, что ты сказала Ларисе, – произносит он, отложив книгу в сторону.

– Прокопий, а кто всегда говорил, что плохо слышит? – Стефа усмехается и подбрасывает полено в камин. – Как думаешь, хватит ли нам дров до тепла?

– Это не твоя забота, девочка. Я уже говорил, можно разобрать мой дом. Да там мебели еще сколько, старья всякого... Так, не уводи разговор в сторону. Плохо тебе здесь?

– Да ты что, дед?

– А я вижу. Тихая ты. Молчишь. В комнате отсиживаешься. Тебя кто-то обижает?

В гостиную заглядывает Лариса с подносом в руках:

– Ах, вот вы где! А я уже наверх сбегала! Чай всем принесла и печенье. На пол не крошить! Лилу не кормить!

Лариса оставляет угощение и убегает на кухню.

– И кто меня здесь обижает, дед? Смотри, сколько заботы. – Стефания подносит Прокопию его чай. – Печеньку?

– Ну-ну. Давай, жевать – не работать. – Руки у Прокопия подрагивают, и он спешит отпить из полной кружки. Чай горячий и ароматный; выпив половину, дед обхватывает бокал и наслаждается теплом. – Ты смотри, мы с тобой тут не у себя дома. Я вот даже лишний раз покурить не выйду. Отнесись к этому положению вещей с умом. Малышке лучше нигде не будет. А что для матери может быть важнее? Лариса в ней души не чаёт. Макар обожает. Машка... та... да, та ревнует. Но если ты будешь пасовать перед каждым нелюбезным к тебе человеком, чего ты добьешься в жизни? Ничего не добьешься. А я смотрю за всеми и ответственно заявляю: ты можешь быть совершенно спокойна и заниматься своей работой. Поняла?

– Спасибо, Прокопий. Да, я немного странно себя чувствую.

Хотелось рассказать, что, кажется, ее бросил муж, но она сдержала первый порыв, а потом уже и не пришлось откровенничать – вернулся Макар, поднялась очередная волна всеобщей беготни.

9

– Скажи мне что-нибудь хорошее.

Она мечтательно смотрит в покрытое каплями дождя окно, залитое ослепительными солнечными лучами. Прозрачные пуговицы воды чуть подрагивают, наливаясь светом, разбухают и срываются вниз, оставляя за собой чистую глянцевую дорожку. Всё сияет за исчерченным полосками стеклом.

– Всё хорошо.

Он улыбается, перебирает ее тонкие длинные пальцы.

– Ну нет, подумай.

– Я и подумал – как хорошо, что ты пришла.

– Правда? – Стефания поворачивает голову и заглядывает в его большие темные глаза. –

А ты думал, что я приду?

– Я думал, что ты придешь, когда не сможешь не прийти.

Кристиан отводит распущенные волосы от ее лица и нежно касается губами ресниц.

– Щекотно! Ты совсем-совсем не придержишься любовной лирики?

– Ты имеешь в виду: глаза твои, как синие озера, уста твои, как алые рубины, ланиты твои, как два персика, покрытые нежным пухом, а перси – как две благоуханные дыни?..

– Ой, фу. Не так, но... да.

Смеясь, Стефания начинает одеваться, кожей чувствуя мягкий ласкающий взгляд.

– Фу, говоришь. Критика от тебя ранит острее стального клинка. Как же там в книге «Песнь песней Соломона»? О, ты прекрасна, возлюбленная моя! Волосы твои, как стадо коз, сходящих с горы... зубы твои, как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни... как алая лента, губы твои... и уста любезны, как половинки гранатового яблока... два сосца твои, как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями...

– Всё-всё-всё! Я больше этого не вынесу! – Стефания не может остановить приступ смеха. – Никогда не думала, что это так смешно звучит! Сейчас икать буду часа два. Принеси водички.

– Но это всё неправда.

– Ах, вот как!

– С твоей красотой ничто не сравнится. – Кристиан кутается в плед, как в римскую тогу, и шлепает босыми ногами по ледяному полу. – Если бы ты меня предупредила, я бы растопил камин.

– Я, знаешь, как-то не планировала, у меня пару перенесли... А тебя надо заранее предупредить?

Стефания и правда начинает икать. Пьет мелкими глотками принесенную воду. Задерживает дыхание. Рассасывает сахарок. Икота не проходит.

– Это всегда так? – сочувственно спрашивает Кристиан.

– Ага. Ик. С детства. А у меня сейчас пара. Ик.

– Что же делать? Может, напугать тебя?

– Ик? Пройдет. Ик. Есть у тебя кофе? Ик. Надо отвлечься. Ик.

Они пьют кофе, сваренный в медной турке, из крошечных фарфоровых чашечек на кукольной кухне: мятные шкафчики, кружевные занавески, полотенчику в цветах... Икающая Стефания разглядывает «бабушкин» интерьер, соизмеряет его с плечистой, немного угловатой фигурой молодого человека.

– Это всё как-то здорово тебе не идет. Ик. Тебе так не кажется? Ик. Не хочется что-то изменить?

– Нет. – Кристиан не смущается, смотрит на нее добрыми оленьими глазами. – Это память. Скоро ничего не останется.

– Как это? Ик. Говори, я пока попробую не дышать. – Стефания набирает побольше воздуха и замирает.

– Ты хочешь, чтобы я рассказал всю историю, пока ты не дышишь? Продержишься минут пятнадцать – двадцать? – Стефания качает головой из стороны в сторону. – Тогда давай в другой раз. Ты же придешь еще когда-нибудь?

– Пф-ф-фух. Не знаю. Что ответить тебе, не знаю. Сама от себя в шоке. Давай на ланч встретимся завтра? У меня вторая пара и потом перерыв.

– Ты не боишься, что нас увидят? – Кристиан крутит в пальцах чашечку, наблюдая за растекающейся по стенкам кофейной гущей.

– Кого мне бояться? – Стефания, откинувшись на спинку стула, в карманном зеркальце поправляет макияж.

– Это маленький город. Все всех знают. Каждый на виду. Людям скучно, и они судачат.

– Не хочу становиться жителем маленького города и прятаться по углам. Вообще, мои студенты не испытывают затруднений, когда им надо со мной что-то обсудить – подходят и на улице, и в магазине, и в кафе.

– Но мы же решили, что я не твой студент.

– Кто об этом знает? Приходи – я буду в семейном ресторанчике на площади.

Она уходит, и Кристиан остается в одиночестве еще более внезапно, чем появление Стефании на пороге. Квартира обступает его со всех сторон, наблюдает за передвижениями, судит и оценивает. Запахи усиливаются: сквозь любимую бабушкой арабику проступают дыхание старой мебели, прель пожелтевших изданий, прощальные нотки цветочных саше и некогда впитавшихся в перекрытия восточных благовоний. Впервые он чувствует себя здесь гостем, гостем желанным, но нарушившим правила общежития. Косые лучи уставшего за день солнца подсвечивают золотую пыль, повисшую в воздухе, серебрятся на давно не видевших тряпки тумбах и этажерках. Серые комочки свалывшихся волокон стыдливо ютятся по углам. Кристиан долго копается в бабушкиных записных книжках, находит номер ее помощницы по хозяйству и приглашает на уборку. Пожилая женщина, проживающая где-то в соседних дворах, радуется внезапному заработку и проявляет сиюминутную готовность приступить. Кристиан встречает ее и тут же уходит из дома. Улицы подсохли, и он решает прокатиться на велосипеде вдоль набережной или даже навестить мать – когда он был у нее в последний раз?

У матери всё без изменений. Он здоровается, выгружает продукты, собирает мусор, вычищает кошачий лоток.

Мать ловит его в дверях.

– Ты уже уходишь?

– Да, мам. Погода отличная, хочу прокатиться, пока еще светло.

– Прогуляешься со мной? Я соберусь за две минуты.

Кристиан пожимает плечами – мама давно не проявляла никакой инициативы, и сегодня он не рассчитывал на общение, но что теперь поделать! Они выходят на набережную, заполненную расслабленными, приветливыми, прищурившимися от солнца людьми. Те, словно голуби, захватывают скамьи и лавки, распахивают куртки, вытягивают ноги и слушают, как вместе с тончайшей водяной взвесью на коже оседает запах кварцевой лампы. В любую погоду на воде покачиваются тюлени тела серфингистов. Им не холодно, не жарко, не мокро – всё в кайф. Целые стайки школьников группируются на одноцветных маленьких досках. Немного завидно. Бывает ли у них насморк? Или просто никогда не проходит? На пляже довольно загорающих: коричневые, оранжевые, красные, белые. Всякие.

– Ой, Кристиан, смотри, у мужчины плавки подобраны прям в цвет кожи!

– Он голый, мам.

– А там тоже голые?

– Да, полно.

– Бабулька какая странная – в топе и без трусов...

– Нет, это тебе уже мерещится, на ней просто розовые трусы.

– А. Ну, у меня не идеальное зрение. Пойдем туда, к дальнему волнорезу – может, там людей поменьше.

Они проходят вдоль единственного в городе песчаного пляжа, разбитого на две части далеко выдающимся в море мысом. Навстречу проносятся велосипедисты, за ними скейтеры, следом взмокшие и совершенно счастливые бегуны, затем собачки с розовыми языками, вываленными набок, и веселый детский народ всех возрастов. Замыкают скоростное шествие благообразные старички и старушки, распутившие по ветру седые кудельки из-под великолепного разнообразия шляп. Солнце пробуждает и заряжает всё живое.

Кристиан с матерью приближаются к своей цели. Здесь и правда поспокойнее, можно сказать – лишь волны и чайки. Они пробираются к оконечности волнореза, садятся на край и свешивают ноги над бетонными блоками. Долго наблюдают, как между серых камней с плотоядным журчанием сворачиваются бесчисленные воронки зеленой воды.

– Какое море здесь изумрудное, красота. В детстве я долго носила пальтишко из драпа такого же зеленого цвета, перешитое из мамино. Хорошо его помню. Раньше фотографии в основном делали черно-белые, а жизнь была не менее цветной, чем сейчас. Память сохраняет для нас воспоминания в цвете и звуке, аромате и вкусе. Я даже помню, какая мягкая у мамы ладонь... – И тут мать задает вопрос, без которого не обходится ни одна их встреча: – Ты прочитал, что я тебе прислала?

– Нет, мам. – Он не помнит, когда в последний раз заглядывал в почту. – Прости, замолчался.

– Неприятно, зато честно. Знаешь, мне так хочется передать чувства и переживания молодой женщины, которая...

С изумлением Кристиан узнает, что в основе всех маминых историй и сюжетов лежат события из жизни реально существующих людей, ее личные переживания и опыт. Он понимает, что больше никогда не сможет равнодушно скользить по строкам ее текстов – повсюду будут мерещиться скелеты из ее шкафов. Что делать теперь с этим знанием? Ему хочется никогда больше не читать ее книг – и перечесть всё заново...

У матери звонит телефон. Пока она копается в своих многочисленных карманах, вызов прекращается, и тут же начинает вибрировать рюкзак Кристиана.

– Папа?

– Ты дома?

– Да. Нет. А что?

Что-то в голосе отца побуждает Кристиана показать матери экран и включить громкую связь.

– Слушай внимательно. Сейчас ты едешь к матери и ждешь моего водителя. Он привезет респираторы и другие средства защиты. Кое-что из продуктов. Воду из фильтра сырой не пить. В лифте, магазине, любых общественных местах – только в маске. Лучше из дома не выходить вообще.

– А занятия? – спрашивает Кристиан.

– Что случилось?! – почти кричит мать.

– Можно подумать, ты ходишь на занятия. Лия, хорошо, что ты всё слышишь. На остров завезли сразу.

– Как?! – Мать прижимает ладонь к губам. В глазах плещется ужас.

– Как... так... В общем, сидите дома. На днях я раздобуду вакцину и пришлю к вам человека...

– А уже есть вакцина? – звучит вопрос на два голоса.

– Давно есть. Просто ее мало и не всем доступна, поэтому не афишируют во избежание истерии. Так. Никому ничего не рассказываем, панику не наводим. Ясно?

– Ясно.

– Кристиан, не услышал тебя.

– Я понял, пап.

– На сегодня насчитывается всего несколько случаев в локальной группе. Все контактные лица изолированы. Приобретение вакцины ведется централизованно. Я не думаю, что нам грозит массовое заражение – мы привьем население раньше. Если повезет... Вы где?

– Мы на набережной, Алекс.

– Водитель выехал, ждите минут через сорок – через час. Без паники, спокойно – на воздухе никаких угроз. Будьте дома, когда он приедет.

Лия застыла на краю волнореза. Маленькие воронки, созданные течением, захлебываются под толчком новой волны. Кусочек рыжеватого пенопласта бьется между камней. Пузырьки пены цепляются за него – сиюминутная свита.

– Я так этого боялась, Кристиан, так боялась.

– Идем, мам. Подумай, что надо закупить: лекарства, продукты...

– Ты никуда не пойдешь! Отец все пришлет.

– Ладно-ладно.

Кристиан привык избегать конфликтов и всеми силами старался поддерживать шаткое равновесие взаимоотношений с родными. Родители его обошлись короткой, но яростной войной – не меняя социального статуса, разошлись по своим мирам: отец – в политику, мать – в писательство. Тем острее резануло это по сыну, вступившему в подростковый период: он оказался не готов к отчуждению, не мог принять тот факт, что родители, отвернувшись друг от друга, оставят и его. Но бабушка по отцовской линии, вдовевшая уже десяток лет, смогла увлечь внука своими интересами, недаром она слыла самой яркой и сильной личностью в семье.

Кристиан лихорадочно соображал, как ему предупредить Стефанию: номер свой она ему не давала, где она живет – неизвестно, занятия у нее закончились. Оставалось ждать завтрашнего дня.

10

Как обычно, Лия полночи просидела над своей рукописью, и Кристиан к одиннадцати часам вышел из дома, не встретив сопротивления, одна лишь дымчатая кошка проводила его до двери. Забежал к бабушкиной помощнице, забрал ключи от квартиры и расплатился. Помялся в нерешительности на пороге, почувствовал горький вкус предательства – знать о грозящей опасности и молчать оказалось неожиданно тяжело. В конце концов предупредил женщину о вспышке сезонного вируса и попросил поменьше бывать в людных местах. Сам себе внушил, что полумера лучше бездействия, и поспешил на площадь.

– Мой дорогой мальчик, где ты пропадал? – Статная хозяйка ресторана, дама почтенного возраста, немного придушила Кристиана в своих жарких объятиях.

– Рад тебя видеть, Кармелла! Учусь, работаю, скоро диплом – забегался.

– Но ты же не перестал есть, сынок?! Все эти новомодные забегаловки – хватают еду на ходу, глотают, не жуя, никакой культуры... Желудок испортишь, и что скажет мне на том свете твоя бабушка? Вот то-то же! – Кармелла отерла со щек быстрые слезы. – Не забывай меня, я скучала.

– Ну что ты... – Участь «хорошего мальчика» висела над Кристианом дамокловым мечом. Он погладил даму по пухлому плечу. – У меня встреча здесь.

– Какая еще встреча? Садись за свой столик – несущее всё! А у меня сегодня есть кое-что из твоего любимого...

Пританцовывая, Кармелла скрылась на кухне. Тут же выглянул ее сын – безвольный мужчина приятной наружности – и в приветствии помахал руками, испачканными в муке. Продефилировала подросток, набравшая румяного сока внучка, всем своим видом демонстрируя самоощущение приемницы. Едва заметно дрогнула цветастая занавеска, прикрывающая покрытую узорчатой плиткой витую лесенку на второй, жилой этаж. Безо всякого любопытства к происходящему в зале столетний свекор бесцветной тенью скользнул за барную стойку и зажуужал кассовым аппаратом. Хлопнула входная дверь, тренькнул серебряный колокольчик. Стефания в развевающемся пальто ворвалась в небольшой зальчик, огляделась и, не раздевшись, села напротив Кристиана:

– Класс! Мне нравится этот столик у окна. Что будем есть, ты посмотрел меню?

– Мне надо тебе сказать... – Кристиан прижал ее ледяные ладони к столешнице. – Ты замерзла? Послушай, тут такое дело... – Он глубоко вздохнул.

– Оу, ты, что ли, тот храбрый житель маленького городка, который не боится коснуться женщины на публике? – Стефания отняла руки и пристроила их у себя под мышками. – Контрольное тестирование своим устроила – сидела всю пару, вот и подмерзла.

– На остров завезли вирус, Стефания.

– Ох.

Снова прозвенел колокольчик. Входная дверь мягко затворилась за спиной вошедшего. Кармелла, так и не приблизившись к ним после прихода Стефании, но явно наблюдавшая их встречу из служебного помещения, тут же вышла встречать гостя. Судя по интонациям, гость незнакомый – хозяйка не скрывала своей властной, доминирующей природы, держала высокомерный тон человека, знающего цену своему заведению.

– Проходите, присаживайтесь. Могу предложить вам ланч? У нас сегодня великолепные фаршированные кальмары... Меню? Конечно, конечно. Алисия! Меню!

Вот и они увидели посетителя. Это была Марта собственной персоной в несравненной красоте своих морковного цвета волос. Она безропотно прошла к указанному ей столику, уселась лицом к Стефании и едва заметным жестом показала: иди сюда. Стефания улыбнулась ей пластмассовой улыбкой и обернулась к своему спутнику.

– А вот это моя тетьа пожаловала. Я ее не ждала, – выдавила сквозь зубы и, повысив голос, четко, во всеуслышание произнесла: – Ты знаешь, над чем тебе работать. Если будут еще вопросы, подойди после занятий. – Плавно встала и пересела за столик к Марте: – Ну, здравствуй, Марта. Что ты здесь делаешь?

– Есть разговор. Постарайся вести себя прилично. Тебя ведь здесь знают? Вот и будь той приятной девочкой, которой ты умеешь казаться. – Марта расправила на коленях салфетку. – Меню я здесь, видимо, не дожусь. Что порекомендуешь?

– О! Ты желаешь составить мне компанию за обедом? У тебя нашлась для меня такая прорва времени? Ну надо же...

– Не ерничай. – Марта подняла лицо к подошедшей Кармелле: – Моя племянница сделает заказ за нас обеих. – И перевела взгляд на Стефанию.

Под пристальным вниманием старших женщин та озвучила свой стандартный выбор, перебросилась с хозяйкой парой ничего не значащих фраз и откинулась на высокую спинку неудобного вычурного стула, демонстрируя готовность слушать:

– Н-ну?

Марта попросила бокал вина. Неторопливо отламывая корочку от тёплых ломтей домашнего хлеба, смазывая их подсоленным сливочным маслом, вкушая неспешно, тихо и размеренно перевернула с ног на голову остатки устоявшихся представлений Стефании о своей семье:

– Ты, зайчик, обо мне ровным счетом ничего не знаешь, и нет в том твоей вины. Всё твоё отношение ко мне было воспитано родителями, а сегодня ты руководишься той обидой, которую я тебе якобы нанесла своим отказом немедленно служить. Твои ожидания ко мне искаженно завышены, настало время познакомиться поближе. Ты не против?

– Самое время, Марта, ведь, если верить последним слухам, нас ждут смутные времена.

– Ты так это называешь? Интересно. Но ты права – мы привиты, и нам грозит пережить лишь тяжесть сопереживания.

– Так это правда, вирус завезли?! Ты точно знаешь? Ты откуда знаешь?! У нас же Лариса, Прокопий без прививки!

– Тихо, не шуми. Я их уже предупредила – пересидят.

Кармелла кружила вокруг столика Кристиана, подносила ему яство за яством, подсаживалась, ворковала, а сама напряженно прислушивалась к разговору в глубине полупустого зала. Кристиан усердно ел и всячески пытался увлечь хозяйку беседой, но та лишь поддакивала, ни во что не вникая. Марта перехватывала ее любопытные взгляды, приторно улыбалась, вынуждая отвернуться. Не быть ей здесь желанным гостем, никак не быть.

– Наверняка скоро будут официальные заявления. Учебу переведут в дистанционный режим. Условий тебе в доме Макара не создадут – просто нет такой возможности. Я поговорила с Людовиком, ты можешь переехать жить на виллу...

– Ну надо же! Вот это подарок судьбы! Ведь и подумать не могла, что мне полагаются бонусы от общей беды! Это Макар попросил, вы же с ним чуть ли не каждый день видитесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.